А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1979 год.

1979 год.

5 января 79 г.

С 27 декабря по 3 января был опять в «Соснах» (в 35 км. от Москвы). Однако, на лыжах пришлось сходить только три раза. К концу года пришел небывалый мороз – до 45^0. Сообщили, что последний раз такое было в 1842 году. В Москве целые районы оказались без электричества и в холоде. Кто говорит, что ТЭЦ вышли из строя. Кто – будто к ТЭЦ (что у Киевского вокзала) подали эшелон с углем, в котором 50 % породы, и дирекция его отправила обратно. Кто – будто 75 % газа не дошло до Москвы: разобрали города «по пути», так как там тоже страшный мороз. Во многих домах температура не поднималась выше 12^0. Два дня в булочных не было хлеба. Не было молока.

А товарищ Промыслов (мэр города) в это время спокойно отдыхал и встречал в свое удовольствие Новый год в «Соснах». Я его там наблюдал…

Бурлацкий был со своей Ирочкой. Не представляю себе, как интеллектуал может жить с такой совершенно пустой, манерной, насквозь искусственной и очень примитивной, но претенциозной женщиной… Впрочем, и сам он провинциал parvenu, несмотря на то, что автор многих книг по социологии и даже одного беллетризированного исторического «диалога» о Микеланджело. Все время навязывал мне свое общество, звал в гости. Главная тема – чтоб порекомендовал его, Бурлацкого, советником или корреспондентом в Париж.

Спрашиваю: А как с языком?

- Выучу за полгода!

Ну что тут говорить?! И долго, долго говорил о своих способностях и достоинствах. Кажется, его Ирочка требует заграничной жизни и тряпок.

И вот опять служба.

Письмо Гэс Холла китайцам. Перепечатка в «Правде», а до этого он присылал его к нам на консультацию. Теперь задача – распространить по всему миру.

Письмо итальянцам. Наше «фэ» по поводу их программных тезисов к съезду, которые действительно очень содержательный и творческий документ, пожалуй, единственно реалистическая программа, какую могут иметь коммунисты в стране ГМК… Но зачем при этом охаивать нас? Правда или неправда, что они там пишут о нашем «пути» и о нашем социализме, но можно было бы обойтись и без этого… Дань моде (ужасной для нас моде – демонстрировать разочарование в советском обществе)

Б.Н. затеял (на голову бедного Вебера и мою) еще одну статью о «демократическом социализме». По тому же принципу: кошку бьют, невестке повету дают. Имеет ввиду еврокоммунистов, но критиковать же надо социал-демократов. (Я, мол, все это писал в своих статьях 10 и 30 лет назад. Можно и оттуда-де взять… Умора!). Я в неистребимой своей интеллигентской манере пытался сопротивляться: мол, «демократический социализм» - что это теперь такое? Никто сказать не может. Социал-демократы сами отрицают, что у них есть какая-либо теория, хвастают, что они прагматики. Мы их будем критиковать, а они будут посмеиваться… В Ванкувере на конгрессе Социнтерна они ведь даже и не вспомнили, что у них есть «общая теория» Ну, и т.д.

Скучно все это… Охранительная позиция – вот и вся наша теория. Но ведь и еврокоммунисты, заимствуя у социал-демократов, толком не знают, что такое «демократический социализм», так же, как мы не знаем уже, что такое «марксизм-ленинизм», и давно уже перелистываем Маркса и Энгельса только для поиска подходящих у случаю цитат…

Кстати, по-настоящему изучают Маркса-Энгельса-Ленина некоторые диссиденты. Вот, например, читаю сейчас книжку Рудольфа Баро «Альтернатива». Немец, ГДР'овец, которого в прошлом году посадили, в частности за эту книжку. Между тем, это действительно теоретически мощный ум и эрудит, каких, наверно, не знавали со времен наших классиков. По сравнению с этой книгой все выдающиеся советологи, не говоря уже об авторах «СССР и мы», Каррильо и иже с ним – просто мальчишки, детский сад.

Б.Н. собирается на днях в ГДР, по приглашению Хоннекера, и поручил Козлову сделать ему аннотацию этой книги Баро. Лешка в смятении. Мы поговорили… Я посоветовал быть предельно объективным, толкать Б.Н.'а на то, чтоб тот толкал Хоннекера к освобождению Баро… Ведь мы, мол, своего Роя Медведева не посадили, хотя его книги тоже издаются за границей и широко используются антисоветчиками.

В Иране идет «революция 1905 года», мощный разворот массовой всенародной борьбы… У нас под боком. А что мы, марксисты-ленинцы, знали об этом? Догадывался ли хоть бы один человек в Советском Союзе, что может там произойти, ученый или политик?! Чего стоит вся наша наука и теория «на службе политики»! В результате мы имеем «авторитетное» мнение руководителя Отдела международной информации ЦК, объявленное через телеэкран на весь Союз: все эти события – результат происков ЦРУ, американцы-де хотели чуть-чуть попугать шаха, ставшего не очень послушным… Замятин даже записку в ЦК написал, предлагая «проводить линию поддержки стабильности в Иране» (т.е. шаха!). Суслов и Кириленко уже начертали на записке «согласен». К счастью, события

развертывались быстрее, чем делопроизводство в аппарате ЦК… они перехлестнули эту «линию Замятина».

17 января 79 г.

Новый год Б.Н. начал форсажем по поводу всяких своих творений, рассчитанных на то, чтобы, как я выразился сегодня в «речи»,посвященной его 74-летию, заставлять коммунистическое движение делать то, что ему предначертано судьбой и великими родоначальниками.

Собирал он группу консультантов. Озадачивал. На этом совещании я разразился упреками: вот уже год в Иране целая революция, а мы делаем вид, что ничего не видим. А ведь это обязанность консультантов – давать такие оценки Центральному комитету… Б.Н. игнорировал мою атаку. (А на другой день сообщил, что принято на ПБ решение создать комиссию ЦК – по записке Брежнева – по Ирану). И сейчас вовсю занимается иранской революцией, о которой и слышать не хотел из моих уст.

28 января 79 г.

С 25-27 января был с Пономаревым в Берлине. По личному приглашению Хоннекера. Разговоры по всем мыслимым международным пунктам – от Зимбабве до ФКП и ИКП. Но всё какое-то необязательное. Со стороны Б.Н. – смесь пропагандистских банальностей с полицейскими сведениями о личностях и поставке оружия. Со стороны Хоннекера – в общем-то тоже, но покрупнее. Но также было непонятно, действительно ли ему нужны были консультации с Б.Н. или это проформа (перед КПСС) накануне его визита в Африку (немцы не хуже нас знают там положение). Слушал он Б.Н.'ово косноязычие вежливо, но, видимо, равнодушно.

Утром 27-го перед отлетом были в музее «революционного искусства». Немецкий экспрессионизм 1917-1933. Огромное впечатление. И стыдно за Б.Н., который при виде всего этого, явно непохожего на реализм в советском понимании, шутливо держался так, будто давал понять сопровождавшим «высоким» немцам: мы-то, мол, понимаем, что все это невнятная ерунда, но уж раз ваши интеллигенты в этом что-то находят, пусть – можно и посмотреть.

17 февраля 79 г.

Б.Н. всю неделю отсутствовал – ездил к избирателям: Калинин, Новгород, Псков. Подготовка речей не обошлась без меня, хотя он явно хотел меня не трогать на этот раз. По поводу одного места я начал было возражать: он мне в ответ, - у них там в Твери, небось, ни мяса, ни масла, ни теперь молока нет… Надо же им сказать что-то в успокоение: что там (при капитализме) кризис, безработица, инфляция (?!)… Сам невесело смеется.

3 марта 79 г.

С 23 февраля по 2 марта был в Англии и Ирландии. Съезд компартии Ирландии в Белфасте.

Разрушения, будто война прошла. Особенно, и почти исключительно в пролетарских кварталах. Патрули на броневиках, с винтовками, направленными на прохожих. Постоянные обыски – при входе в гостиницу, при желании пройти в центр города (заборы и в них калитки, где обыскивают каждого). Постреливают. И в день нашего там пребывания с 23 по 26 – двое убитых и сошедший с ума британский солдат, который подстрелил еще двоих, и его застрелили…

Мое интервью северо-ирландскому телевидению.

Съезд – убогость и ничтожность их деятельности. Непонятно, что ими движет: одними инерция (некуда деваться), другими – привычка, третьими – энтузиазм. Съезд в гостиничной зале отеля «Midland». Сто человек.

Мое выступление первое. Мне оно показалось «красивым» и уместным, но, видимо, я не учел, что они не представляют собой гомогенной национальной организации, и на них (не всех) не производит впечатление национальный акцент (величия нации) в той мере, как, скажем, на западных немцев (мое выступление там на конференции по Тельману года три назад).

Выступление чеха Володи Янку – удачное.

Старик Питман (из КП США) ораторствовал полчаса на тему об «особых отношениях» между США и Ирландией.

Кубинец говорил о себе… Прочие были скучны, в том числе француз Жак Дени…

О'Риордан запретил нам ходить по городу. Так что – гостиница – съезд - и обратно на машине вместе с ним. Но один раз, после съезда Эндрю Барр повозил нас по Белфасту.

Некоторые персонажи съезда: рыжая девушка (27 лет) Ивонна Шиген. Ирландка американского происхождения, бывшая монахиня, бывшая слушательница Ленинской

школы в Москве, теперь – доктор философии в Дублине. Довольно хороша собой, мила непосредственностью западноевропейской женщины. Выступала несколько раз. Говорит хорошо, красиво и назидательно, искренне. Основной мотив – все устарело: наши идеи, наши анализы, наши выводы, надо все заново продумать и изложить на высоком уровне, с воображением, увлекательно…

После первого своего выступления сидела в первом ряду, как раз против меня, и все время плакала. То один, то другой ее успокаивали. О'Риордан игнорировал ее эмоции.

Позже, в гостинице, разговорились с ним о ней. Он, в общем снисходительно презирает таких интеллигентиков…

Вообще же, вот так, наверно, проходили в начале века съезды большевиков где-нибудь в Лондоне, Стокгольме и т.п. Скудно, бедно, в складчину, несколько десятков человек, ночевки у товарищей-эмигрантов, которые живут здесь, в городе, где проходит съезд…

Перелет из Белфаста в Лондон. Опять обыски и очень строгие проводницы.

Уютно в Лондоне было благодаря Екименко (советник посольства) – удивительно добрый человек. Благодаря ему я впервые вволю использовал лондонское время.

Национальная галерея. Был там один. Причастился. Четверть часа просидел только перед Mrs. Sarra Siddon Гейнсборо. За два часа сделал несколько кругов к ней… Много волнующих вещей, но все таки здесь, в Лондоне, больше всех волнуют сами англичане: Гейнсборо, Лоуренс, Рейнольдс, Констейбл, Тёрнер… Впрочем, их удивительно мало там.

Музей Альберта-Виктории.

Музей естественной истории.

Тауэр…

Встреча с Карлссоном, генеральным секретарем Социнтерна. Воспользовавшись обстановкой, я его круто прижал по Вьетнаму. Очень потом восторгался наш резидент ГБ, который и устроил эту встречу. Реакция его – беспомощная. Чтоб не выглядеть идиотом, он «от своего имени» говорил разумные и очевидные вещи, но как политик и ответственный за Социнтерн – излагал обычные западные пошлости.

По впечатлениям этой встречи я еще убедился в том, что наступает время, когда западники боятся общаться с нами, боятся откровенного разговора, так как их аргументы насчет «советской угрозы» дохнут, а «по правам человека» - надоело, смешно и несерьезно строить на этом международный порядок.

Поэтому же (а не потому, как год назад, что стесняются замараться) ушли от встречи и лейбористы. Хотя Китсон, будучи месяц назад в Москве, твердо обещал мне встречу с Хейвордом и Лестор. Хотя Дженни Литл звонила в посольство и спрашивала, когда я буду в

Лондоне, «выйти» на меня они испугались (предчувствуя, что я воспользуюсь китайцами, чтоб прижать их по всем статьям).

Встреча в КПВ оставила грустное впечатление.

Так вот – Макленнан и Уоддис. Уселись в той же комнате, где около года назад он встречал делегацию Кунаева на съезд партии.

- Ну, что вы имеете с нами обсудить? – начал он, явно давая понять, что «у них» к нам ничего нет.

К счастью, накануне пришла телеграмма из Москвы (циркулярная по братским партиям), чтоб помочь проведению Всемирного совета мира в Хельсинки по КНР-Вьетнаму. Я начал с этого – «с поручения». Поговорили о Вьетнаме. В общем, у них правильная позиция, хотя их представитель на съезде в Белфасте говорил о войне между двумя соцстранами и его «обшаркали» (ногами по полу – ирландское выражение неодобрения).

Макленнан снял трубку, позвал Рамельсона, нашего «старого друга» и члена Президиума ВМС, который сказал, что впервые слышит об этой инициативе, но займется.

Поговорили об Ирландии. Я им сообщил свое впечатление и о съезде, и о ситуации там. Согласились друг с другом.

По Вьетнаму оба они осуждали китайцев, произносили слово «агрессия», утверждали, что в профсоюзах начинают отказываться от позиции: «оба виноваты»… Выражали беспокойство, как дальше будет с Китаем.

Перешли к межпартийным отношениям. Макленнан в общем ушел от ответа на мои инициативы, а по главному делу сказал: Но ведь товарищ Брежнев опять (!), должно быть, будет очень занят. Т.е. дал понять, что если не к Брежневу, он в Москву не поедет.

Я с целью польстить им попросил совета: как нам вести себя в отношении лейбористов. Вопрос был неожиданным. Но они быстро нашлись и один за другим стали говорить примерно следующее:

- надо, мол, вам (КПСС, СССР) перестать третировать Англию как третьестепенную державу, ставить ее в хвост после Шмидта и Жискара;
- надо добиться, чтоб Каллаган приехал в Москву;
- или, как минимум, чтоб он сделал развернутое заявление по разрядке (до сих пор, даже в отличие от Картера, он этого не делал);
- надо так использовать mass media, и свои, и британские средства информации, чтобы приглушить тему «советской угрозы», исключить, чтоб неизбежные в этом году выборы в парламент прошли под антисоветский аккомпанемент…

Я поблагодарил (и написал на утро обо всем этом в Москву, где подобное вмешательство не в свои дела не очень, наверно, понравится).

Уоддис стал прощаться – у него какие-то дела. Я воспользовался его уходом и высказал Макленнану довольно жестко «наше мнение» о том, что пишет печать КПВ о ленинизме, кризисе в МКД, по истории КПСС, по сталинизму etc.

Он смотрел на меня, надменно улыбаясь. Потом сказал: Я лично не во всем согласен, что пишут в органах КПВ. Но мы – исполком – не будем ограничивать свободу дискуссии. Мы вообще не будем вмешиваться, если дело не доходит до таких вещей, которые идут вразрез с принципом «братских отношений» с КПСС.

Я спросил – где грань, за которой можно считать, что этот принцип нарушается. Ведь все дело в том, что у нас и у вас кардинально разные представления об этой грани.

Да, говорит, ее трудно определить.

Я возражал (с учетом дистанции и национального характера: он генсек и британец), говорил, что раз уж вы не можете ничего оставить без дискуссии, тогда хоть дайте и нам возможность изложить свои аргументы, особенно когда речь идет о нас, о КПСС, об СССР и т.п.

Когда я заговорил о судьбе партии «при таком подходе к идеологии», о единстве МКД, он довольно решительно остановил тему: по этим вопросам между нами существенные разногласия и их можно было бы обсудить специально… (видимо, не на моем уровне). Впрочем, он признал полезность встреч типа той, какая была летом, когда в Москву приезжали Уоддис и Костелло.

На том и кончилась наша полуторачасовая беседа.

Опять я восхитился величием Лондона. Это, действительно, не город, а Metropolitan: вкус, богатство, величие, почтение ко всему, что было с этой страной.

Телевизор показывает всяких англичан, большинство похожи на тамбовских или смоленских. Развлекательные программы полны ерунды, кстати, на немецкий манер (всякие трюки с потерей штанов на бегу, с мордой в торт и т.п.). Я ждал от англичан большего ума и фантазии в подобных вещах.

Мы здесь (благодаря концентрированной подаче в ТАСС'е, особенно белом, благодаря шифровкам) думаем, что все их газеты, теле и радио только и занимаются антисоветчиной. В жизни же это совсем не так: за 7 дней я ни разу не видел антисоветчины по телевизору и даже в газетах прямой антисоветчины не было. Скорее есть опасное безразличие к нам как обществу, нации, культуре. И опасения, как бы мы не повернулись в мире настолько неловко, что придется бить дорогую посуду, а им в этом участвовать. В остальном мы им до лампочки, включая диссидентов, которыми занимаются те, кому «положено».

В магазинах много прекрасных вещей. И опять, и опять обидно становится за нас и за себя, в частности, за то, что у нас, «барахло» – все еще и социальная, и экономическая, и политическая, и морально-этическая, и нервно-психологическая проблема.

9 марта 79 г.

С точки зрения микро-социальной моя жизненная позиция неправильная. В условном и устоявшемся обществе все «элитные» люди играют в жизнь. И есть правила игры. В этой среде обычно спрашивают друг друга – how do you do? – «пишешь чего-нибудь»? Неважно что и зачем, важно, играешь ли в общепринятую игру, раз уж ты интеллигентный совслужащий. Никто даже не задается вопросом о содержании и внутреннем смысле этого занятия. Я «не пишу». И не хочу себя заставлять. Хотя в противоречии с этой позицией – «с увлечением» занимаюсь текстами для Пономарева, смысл которых тот же – игра, только чужая!.. У него вот никогда не бывает сомнений в том, что надо проявлять активность, раз уж сидишь на таком месте.

Он, например, развил бурную деятельность в связи с китайским вторжением во Вьетнам. Заставлял нас сочинять «письма братским партиям», как детям разъяснять им, призывать и проч. Организовал через свою марионетку Чандра (индус, председатель Всемирного совета мира) «сходку» (как выражается Шапошников) борцов за мир в Хельсинки. Три дня они провозглашали анафему, а он – через меня и Загладина – корректировал поднятый там шум «в соответствии с быстро меняющейся ситуацией» во Вьетнаме. Что бы он не понимал, не чувствовал, что он отодвинут Громыкой, Сусловым, Брежневым на обочину настоящей политики, - сомневаюсь, Брежневым на обочину настоящей политики, - сомневаюсь. Но он не унывает. И в рамках своей компетенции суетится на полную мощь.

Ну, что ж. Он умело играл всю жизнь свою игру. И чуть-чуть не дотянул до полного выигрыша – до члена Политбюро.

И Загладин играет, хотя и на более высоком интеллектуальном уровне и, в отличие от Б.Н.'а, собственным умом, способностями, волей, временем, никого не эксплуатируя. (за Пономарева в возрасте Загладина давно уже писали другие).

Посмотрел вчера первую пару серий «Неизвестной войны» Романа Кармена и американца. Двадцатисерийный фильм, созданный для того, чтоб сообщить современным американцам, кто на самом деле выиграл войну. Все те же переживания – кто там был, хронически болен ею. Потом взял книгу о Северо-западном фронте, перебирал страницы, где

о боях и передвижениях, в которых я сам участвовал. Будто не со мной все это было. И как нарочно столкнулся в кино у кассы с одной знакомой 1947-48 годов.

- Ты совсем такой же, как тогда, - говорит она мне. – В консервной банке что ли себя держишь. Мы все толстеем, деформируемся, а ты… будто и 30 лет не прошло. Читала в «Правде», что ты только что из Ирландии - и пошла трещать…

На самом деле я очень изменился внутренне. Я теперь знаю, что проходит и что в общем-то не стоит ни о чем особенно беспокоится, тем более – ничего не надо бояться. А тогда я очень боялся условностей жизни. Впрочем, тогда они были неизмеримо более значительными в определении судеб.

Я не видел Брежнева на трибуне по случаю выборов. Но говорят, он был в наихудшей форме, если это вообще возможно – быть «хужее». Заплетался, отекший и проч.

Вслед за торжественной частью в Большом театре по случаю 8-го марта концерт, который был посвящен исключительно Брежневу. О его детстве, семье, о его «Малой земле» и «Целине». Если, кто пел «постороннее», так это была казашка (поскольку Л.И. поднимал целину в Казахстане) или молдаванка – он был секретарь ЦК Молдавии.

Зачем и кто это делает? Зачем так унижают старика и портят (заранее) память о нем в народе? Кому это нужно? Неужели «серое величество» все это направляет, чтоб потом еще раз «разоблачить»?

17 марта 79 г.

Из наиболее значительных событий недели – очередной завал Трапезникова на выборах в Академию наук. Толкучка большинства «соискателей» по этому поводу в течение 3-4-х месяцев была на этот раз особенно циничной и отвратительной. Но основные усилия в несамодеятельном эшелоне были предприняты, чтобы протащить Трапезникова. Давно уже была организована «большая пресса» его сочинению («На крутых поворотах») – классическое воплощение нахальства, невежества, агрессивности и пошлости неосталинизма. Всякие прихлебатели добровольно лизали, серьезные органы печати «не могли отказать» и т.п. Тщательная работа была проведена и самим его офисом – Отделом науки ЦК и вице-президентом Федосеевым в Академии наук, – другими подчиненными им аппаратами его влияния. Было обеспечено 100 % голосование «за» в Отделении исторических наук.

И вот общее собрание Академии наук: 138 голосов «за», 73 – против. Не добирает до нормы (142) четырех голосов.

Старик Капица по этому поводу в коридоре, но во всеуслышание сказал: «Вот дурак, ему два года назад дали член-корра, и сидел бы помалкивал – и того ведь не достоин. А он полез в академики. Скромность надо иметь»…

На Западе, наверно, начнут писать, что это, мол, форма оппозиции власти со стороны единственного в СССР демократического учреждения. Уверен, что нет. Это просто выражение отношения к данной «личности», и отчасти, конечно, выражение отношения академических кругов к сталинизму.

Болтают, что «в ходе подготовки» президент Александров вызывался куда-то «наверх» по поводу Трапезникова. Это возможно. Однако не обеспечил, как видите.

Неужели такие уроки не идут впрок? Неужели и впредь этот фельдфебель будет сидеть в Вольтерах для нашей Академии и всей науки вообще? Скорее всего – так и будет. Но «прошли» такие выдающиеся светила, как «хороший парень» Примаков (автор одной журналистской книжки, но директор Института востоковедения), прохвост Искандеров (в член-корры) и некоторые подобные.

18 марта 79 г.

29-го поеду на XXIII съезд КП Бельгии. Читаю их материалы, кое-что повторно, например доклад Ренара об интернационализме (на Пленуме в январе 78 года). И это, и проект политической резолюции на 60 страницах, и другие краткие материалы – всё свидетельствует о большом интеллектуальном потенциале партии, о ее глубоком «теоретическом смысле». Он выше, чем у итальянцев. Думаю, что такое не может пропасть втуне. Скажется когда-нибудь, - также, как сказалось ленинское интеллектуальное превосходство над всеми прочими, когда пришел час.

В «Новом мире» № 3 статья-сравнение Эйнштейна (100-летие) с Достоевским.

24 марта 79 г.

Прочел «Записки императрицы Екатерины II». Натолкнул на это меня Герцен. Еле достал – через межбиблиотечный абонемент в Исторической библиотеке. Говорят, всего два экземпляра осталось в Москве.

Огромное впечатление:

- это литература высокого класса (ведь это еще до Карамзина, не говоря уж о Пушкине);

- это изумительная картина эпохи, особенно, как и кто правил Россией, когда она на всех парах шла в великие державы (Петр III, Елизавета);
- это изумительное бытописание;
- и, конечно, сама она, действительно, великолепный человеческий материал, из гигантов своего века общеевропейского масштаба, хотя «Записки» ее ограничиваются периодом еще даже до смерти Елизаветы.

Ничего порнографического там нет, как можно было понять из отзывов Герцена. Однако, она не скрывает (хотя и очень «деликатно», косвенно) признается в своей буйной сексуальности… и не ставит себе это в грех. Наоборот, считает лицемерами тех, кто думает, чувствует и подчиняется своим влечениям в жизни, а говорит и судит на публике иначе.

Прочел интервью Аскарате (член руководства КП Испании) в мартовском номере «Encounter» (лондонский журнал). Все точки над «i» в антисоветском коммунизме. Боже! Как он нас ненавидит! Бешено брызжет слюной… Вновь подтверждается, что еретик хуже всякого исконного врага. Увы! В меньшей степени, хотя и не у всех – тот же Элленштейн (автор книги «СССР и мы») или некоторые мои англичане – такое же отношение к нам у многих современных западных коммунистов, вернее их лидеров разных уровней.

Зародова прочат на директора Института истории (вместо Нарочницкого, которого завалили на общем собрании Академии наук). Но кого тогда в журнал «Проблемы мира и социализма» (ПМС)? Предложил Пономареву вести дело к закрытию журнала, песенка которого давно спета, он никому не нужен, его никто не читает, многих он раздражает, одних по идеологическим причинам, других – из-за трат, которые идут, причем впустую. Не превратить ли его в комагенство=комиздательство, как не раз предлагал Гэс Холл. Это я высказал Б.Н.'у. Он: «подумаем, обсудим». Надо жать в этом направлении. Загладин, кажется, согласен.

Да, и с Институтом истории. Сам Б.Н. мне сказал, что прочат Сеньку Хромова. Ну это же новый Трапезников!

А Пономарев – прелесть. Когда я сказал ему о Зародове (от имени Федосеева и Тимофеева, которые нас с Загладиным подговаривали на этот счет после совещания по IV тому «Международного рабочего движения»), он мне в ответ: Ну, что вы! Какой Зародов директор?! Какой он ученый? Ему там написали пару книг… вот и всё! Будто товарищ Пономарев пишет свои книги сам! Что это? Старческая аберрация? Или по принципу: что позволено Зевсу… Или: «ребяческий разврат» - наивный цинизм, которые сродни самой натуре, искренней убежденности, что «так надо»?!

Пономарев, по старческому недержанию, по возрастающему почтению к «своему прошлому», иногда выдает удивительные вещи. При обсуждении IV тома, он вдруг рассказал Федосееву, Жукову, нам следующее:

После Второй мировой войны капитализм был в большем потрясении, чем после Первой, и революционные возможности на Западе были также много больше, тем более, что компартии располагали не только оружием, но и своей армией, вышедшей из Сопротивления. Я (т.е. он – Б.Н.) говорил тогда Тольятти и Торезу, вот в этих и соседних кабинетах (повел он рукой вокруг): пойдите к Сталину, договоритесь, пора действовать… Они пошли: сначала Тольятти, потом Торез. И оба потом говорили мне: Сталин против того, чтоб сейчас идти на рожон, он против лозунгов захвата власти, он против риска новой войны – на этот раз с американцами… И они подчинились, поехали к себе и стали вести мирную работу по восстановлению экономики Италии и Франции, оба в качестве вице-премьеров. И шанс был упущен. Вот ведь, добавил Б.Н., имея в виду Сталина, - когда надо было действительно «бояться» войны и проявить бдительность против Гитлера, тогда… (что тогда?). А в этот благоприятный момент испугался американцев, которые не осмелились бы тогда воевать против нас… И намекнул: Сталин поднял перчатку «холодной войны» и повел ее сам, потому что был в ярости от того, что его снова (как и Гитлер в 1941 году) обманули. Он, остановив революцию, действовал как честный партнер, пошел навстречу. А ему ответили антисоветизмом и изгнанием коммунистов из правительств.

Рассказав это, Б.Н., конечно, не вспомнил, что в своих публичных выступлениях он не раз разоблачал антикоммунистов и империалистическую пропаганду, утверждающих, будто тогда, как и вообще (до появления «еврокоммунизма»), коммунисты следовали (и подчинялись) внешней политике Советского Союза.

Сегодня прочитал Ф. Клаудина «Еврокоммунизм и социализм», 1977 год. Книжка, обошедшая мир нескольких изданиях. Наиболее последовательное обоснование еврокоммунизма и критика его носителей за непоследовательность. Сам он соратник Каррильо, был выгнан в 1964 году этим последним из КПИ за антисоветизм и за «еврокоммунистические» идеи, которые сам Каррильо воспринял лишь после Чехословакии-68. Книжка еще более антисоветская, чем интервью Аскарате, но спокойно рассудительная (а не истерическая) и содержащая помимо антисоветизма много серьезных мыслей о будущем социализма и МКД.

А вообще-то, питаясь изо дня в день такой вот пищей, «отравляешь» организм. Например, вчера я изучил статью Дилигенского, которую он подготовил по моей инициативе для журнала Хавинсона. Это, в отличие от «Нового времени» - анти-Каррильо, но не насчет его антисоветизма, а по поводу тех реальных проблем революции, которые он ставит в своей

книге «Еврокоммунизм и государство». Сделано серьезно и основательно. И убедительно. Но, прочитав сегодня Клаудина, я увидел, что он критикует Каррильо и еврокоммунистов за то же, - за их иллюзии, за их утопизм, за легализм, за социал-демократизм и реформизм (грубо говоря). Однако он считает и пытается это доказывать, что будущее социализма в Западной Европе безнадежно, если СССР останется тем, чем он есть сейчас. И еврокоммунистический выход из очередного кризиса капитализма (выход в социализм) обернется новым дыханием для капитализма, как это произошло после Октябрьской революции, которая не привела к социализму нигде (в том числе в соцстранах), потому что на Западе революция потерпела поражение. Победа на этот раз может быть, по его теории, достигнута только соединением еврокоммунизма с «силами обновления» в СССР и Восточной Европе.

«Совпадение» Дилигенского и Клаудина означает, что можно рассуждать правильно, не включая (а в случае с Клаудином даже отрицая) СССР, как фактор революционный…

27 марта 79 г.

Принимал посла Ямайки «товарища Бенжамина Клэра». Симпатичный такой полунегр, очень изящный, несмотря на партийный китель, в коем облачен, поскольку они тоже строят социализм. Через 10 дней приедет в Москву их лидер, премьер и председатель партии Мэнли. Передал письмо к Брежневу, долго объяснял мне международную обстановку и полное согласие с нами, а также – о социалистическом интернационализме, так как надо было, чтобы я поддержал их просьбы – построить глиноземный завод, дать нефть, дать кредит под сырье и промышленные товары в 50 млн. долларов. «Это и будет по-ленински практический интернационализм»…

В ответ я говорил красивые слова об их пути к социализму, а также обещал всё «доложить».

Обсуждали вчера с Загладиным у Б.Н.'а план к совещанию секретарей ЦК в Берлине. Опять и опять – все подчинять антивоенной борьбе, даже (косвенно) разоблачать еврокоммунистам оппортунизм под этим углом. Искать подходы к Китаю…, искать там «наших». Одним запугиванием и конфронтацией, китаефобией проблему не решим, только приблизим войну. А война с Китаем – вещь реальная, ибо американцам некем с нами воевать: самим им миллионные армии не перебросить через океан, а немцы, французы и т.п. – не серьезно в наше время. Одна их реальная ставка – руками китайцев!

Неприсоединение… Если мы (?) не отстоим там антиимпериалистическую тенденцию, оно превратится в резерв империализма. Так он нас учил. И в этом что-то есть.

Он умеет все сводить к «советским интересам» (как Ленин, по-Горькому, все сводил, в конце концов к классовой борьбе).

8 апреля 79 г.

С 29 марта по 4 апреля был в Бельгии. Съезд КП Бельгии. Глава делегации КПСС Соловьев, секретарь ленинградского горкома.

В Брюссель на машине вечером. Сверху – плотность огней, освещенные фонарями все дороги, не только магистрали, светятся желтым светом, каким у нас лишь центр Москвы. Это – энергетический кризис… и капиталистический принцип за все платить в индивидуальном порядке!

Съезд в «Доме восьми часов». Пренебрежение к иностранным делегациям и никакого, конечно, предпочтения КПСС. Генсек Ван Гейт даже не подошел к делегации в зале.

Приветствие ЦК, которое так основательно продумывалось и утверждалось, едва удалось вручить заведующему международным отделом (не хотел брать до окончания съезда – некогда!). И его вряд ли кто вообще прочел. А уж для вручения «подарка ЦК» съезду и произнесения приветствия делегации не было ни места, ни времени. Физически подарок я вручил Ван-Гейту во время обеда некоторых членов ПБ с иностранными делегациями уже после съезда.

Эти делегации были своеобразной интернациональной декорацией: присутствовали лишь на открытии и на закрытии съезда. Вся его реальная работа – дискуссии по проектам документов были перенесены в комиссии, закрытые для «посторонних».

Но в посольство новое Политбюро КПБ, избранное на съезде пришло, как в лучшие, прежние годы. И постепенно развернулся необязательный и «товарищеский» треп, о чем попало. Серьезной темой стал «европейский парламент». Мы и отдаленно не понимаем их забот в связи с этим, как и вообще отстали - не Институт Иноземцева, а политически в оценке реальностей той мощной интернационализации капитала - экономики капитализма, которую предвидел Ленин. Сейчас уже фактически нет национальных капиталистических хозяйств…

Б.Н. это ухватил несколько месяцев назад. И вот сейчас мы готовим записку в ЦК, чтоб была хотя бы какая платформа (наша) по отношению к Европарламенту и вообще нынешнему состоянию интеграции.

Поехали в Антверпен, успели зайти в знаменитый Собор, где триптих Рубенса. Потом – порт, встреча с все еще бастующими рабочими нефтеперегонного завода, закрытого

брежневским «приятелем» Хаммером. Уже полгода. Но по безработице они получают 20 тысяч франков в месяц, а когда работали, получали 25 тысяч, зато теперь без налогов и вычетов. Жить и бастовать так можно. Комедия! А Хаммер завод бросил – делайте, мол, с ним что хотите.

2-го апреля, в понедельник встречался с социалистами в их Центральном Комитете. Пришла почти вся их «головка»: Вай-Эйнде, Ван-Мирт, Леонар, Раду, Тедди и еще кто-то. Соловьев не пошел встречаться с ними. Сказал: «ЦК мне не поручал работать с социалистами». Собеседники не закрывали рта – о чем попало, но потом беседа опять же вырулила на Европарламент. Я едва успевал вставлять какие-то реплики – о Китае, о гонке, о Ближнем Востоке, о смысле отношений КПСС-СПБ… Атмосфера лучше, чем с коммунистами. Эти не боятся быть заподозренными в получении приказов из Москвы. Поэтому все было просто, доброжелательно, натурально, хотя и бессодержательно для политических последствий. Мой французский язык меня не подвел. Наверно, если бы я прожил месяц «в его среде», заговорил бы совсем свободно.

15 апреля 79 г.

Еще раз о статье Дилигенского, написанной по поручению Б.Н. против Каррильо. Дал почитать Леше Козлову (консультант Отдела), он взбеленился и, краснея за свой «ревизионизм», стал уверять: «Это, значит, мы осуждаем всякий теоретический поиск у компартии; что бы они ни придумали, мы объявляем ревизионизмом, по крайней мере, не видим там ничего нового». Я ему пытался втолковывать, что в еврокоммунизме нет ничего теоретически нового. Все это в лучшем исполнении имеется у социал-демократов от Бернштейна до Крайского и т.п. Новое в нем – готовность коммунистов отказаться от своего первородства (ленинизма) и попробовать тот же опыт, который социал-демократы накопили после 1917 года, попытаться интегрироваться в сильно измененную за эти 60 лет капиталистическую систему. Тем самым, оправдать свое существование, которое для большинства компартий давно превратилось в прозябание.

Другой вопрос – может ли произойти когда-нибудь революция в условиях современного государственного монополистического капитализма. Если нет, то не нужны и ортодоксальные компартии. Но пока мы (КПСС) стоим на том, что революция будет, мы, естественно, не можем согласиться с социал-демократизацией компартий.

Встречался опять с ямайкцами. Мэнли попросил Косыгина, чтобы его товарищей – Бертрама, Хевэна, Клэра и жену Беверли, которая, видно, верховодит в партии, приняли в Международном отделе ЦК. Косыгин позвонил Суслову, Суслов Загладину и встреча у нас

произошла. (Кстати, эта Беверли очень изящная полунегретянка, весьма сексапильна и умна).

При все их оксфордском образовании (они далеко не такие, как африканские революционные демократы) очень простодушны. Действительно, видимо, хотят делать свой социализм и их интересует всё, хотят оттолкнуться от нашего опыта, не используя его буквально: как принимать в правящую партию, как действует аппарат, как организуются выборы, как вести пропаганду и проч.

Косыгин потом на ПБ докладывал и о переговорах, и об этой нашей встрече, хвалил нас с Загладиным.

Продолжал «совершенствовать» по указаниям Б.Н.'а с Юга статью о том, что МКД – хорошее. Он собирается договориться с Сусловым, чтоб ее опубликовать к 1-ому мая.

19 апреля 78 г.

Пленум ЦК. Назвали кого и куда изберут на сессии Верховного Совета. Как всегда, члены ЦК явились в Свердловский зал за два-полтора часа до начала (мест там едва хватало на всех). За несколько минут до начала зал замолк в гнетущем ожидании: будет Сам или не будет. Болел с конца марта, узнали об этом потому, что визит Жискар д'Эстэна пришлось отложить.

Вышел… Долго хлопали. Но гнетущая атмосфера не покинула зал – от полной, явной, разительной, физической и умственной беспомощности Генсека. Еле вязал слова, бодрячился, пытался шутить, когда выступал Суслов - получалось нелепо и неловко. На фоне этой, совершенно пустой внутри, но непомерно абсолютной власти вовне, еще резче выпирала штамповочная функция высшего партийного органа.… В том числе и при назначении кандидатур во все органы власти, на должности министров - все те же, ну хоть бы для смеха одного заменили. Средний возраст, наверно, около 70-ти.

22 апреля 79 г.

Заседание Президиума Верховного Совета. Утверждался советско-афганский договор. Председательствовал Брежнев. Весь мир знает в каком он состоянии, он не явился даже на ленинские торжества 21 апреля. Понятно любому мальчишке, что убеждать Президиум Верховного Совета СССР никакой необходимости не было. Так нет – Брежнев говорил пять минут, Громыко – три, а наш Пономарев – полчаса, как всегда убежденный в том, что бы он ни говорил это имеет огромное «международное значение». Все были не

только удивлены, раздражены, особенно, глядя на томящегося председателя. Выходя из зала, один деятель громко сказал идущим рядом: «Этот старый мудак думает, что он умнее всех и что без его поучений мы бы не знали, что нам делать – утверждать договор или еще поразмыслить».

12 мая 79 г.

С 30 апреля по 4 мая был в Западном Берлине. Формально – для участия в майских праздниках коммунистов, фактически – для многочисленных встреч с ними на разных уровнях, чтобы показать, что КПСС по-прежнему уважает СЕПЗБ (Социалистическая единая партия Западного Берлина, «братская», коммунистическая), что мы с ней вместе, несмотря на большое поражение 18 марта на городских выборах.

Жил в отеле «Гамбург». Ощущение «от стены» (Берлинской). Пройдя через нее, за несколько секунд попадаешь в другой мир, кожей это чувствуешь.

Майская демонстрация. Всякая там публика: профсоюзы, анархисты, маоисты, троцкисты. Главный лозунг – «35-ти часовая рабочая неделя». Довольно массовые семь колонн. Всего 70 тысяч. Митинг на площади Кеннеди. На платформе профсоюзные боссы и прочие лидеры. Много антисоветского и антиГДР’овского в речах. Полно иностранных рабочих – турки, греки, югославы, итальянцы… Их внешний вид лучше, чем у москвичей в праздничный день. Их уже 200 тысяч в двухмиллионном городе. Феминистки заняли отдельную платформу. Говорят, они и живут в отдельных многоэтажных домах, куда мужчинам вход запрещен.

Коммунистический праздник в «Народном доме». Сочетание хиппизма с коммунистической идейностью, по-немецки серьезной. На сцене эпизоды из Крестьянской войны 16-го века. Примитив на уровне пятого класса нашей школьной самодеятельности. Но подается с невероятным энтузиазмом. В этой постановке я увидел и подтекст – «немецкую идею» - история-то у всех немцев одна, поэтому живет в сознании временность, немыслимость сохранения навечно этого нелепого образования – Западный Берлин. С кем ни заговоришь, идея эта проскакивает.

Очень мешал общаться чудовищный грохот джаза и почти порнографические молодежные пляски полураздетых танцоров.

2-го мая беседа в Правлении партии - Хорст Шмитт и др. Ясный анализ ситуации: образцовое современное производство на уровне последних достижений НТР, высокая зарплата – выше, чем в ФРГ, плюс 8 % добавка каждому из бюджета ФРГ, полная экономическая интегрированность с Западной Германией, но безработица, особенно

молодежи (но не иностранцев), отсюда левый экстремизм. Одних компартий в городе – семь, движение «Альтернативы». Благополучие в сочетании с бесперспективностью и ужасающей скукой жизни. Наркотики, порно, всякие прочие развлечения уже не помогают, даже при наличии немецкой генетической дисциплины.

Вечером тут же в Правлении встреча с рядовыми коммунистами с заводов. Хотелось поклониться в ноги этим ребятам за их бескорыстие, мужество, идейность. Ведь работают во враждебной, истекающей жиром среде, без всякой надежды – ни в смысле личной карьеры, ни в смысле достижения конечных целей партии (один из них выразился: завоевать социализм в городе, окруженной социалистической «стеной»). И почти у всех, кто там рассказывал о себе, похожий цикл: скрывая, что он коммунист, завоевывает доверие, поддержку массы «коллег» (так они называют рабочих своего цеха на заводе), его выбирают в производственный Совет, в руководство профсоюза, выдвигают все выше,.. потом – провокация, обычно со стороны социал-демократа, и молниеносное откатывание вниз, хотя все давно уже знали, что он коммунист, но только, когда это объявляется официально, развертывается травля: отовсюду гонят, вплоть до увольнения с завода. И даже самые интимные друзья отворачиваются, искренне начиная считать его агентом ГДР, провокатором, лжецом, обманщиком, оборотнем.

На следующий день – Рейхстаг. Все облагоображено вокруг. А внутри – постоянная выставка истории Германии с конца XVIII века до сегодняшнего дня. Очень умно сделанная. Концепция выставки – социал-демократическая. Десятки автобусов с туристами из ФРГ и иностранцами. И школьники, школьники, школьники – со специальными тетрадками, в которых они записывают (а потом у «белой стены» приговаривают вслух) собственные ответы на «вопросы к немецкой истории». А ответы напрашиваются сами, - почему, например, Маркс и Энгельс, которых так почитают коммунисты, еще 100 лет назад боролись за единую Германию, а мы сейчас не должны это делать?!

Симпатий к гитлеризму выставка не имеет целью возбуждать. Но происхождение войны трактуется с помощью фото и цитат из Сталина и Гитлера примерно так: два тирана, диктатора не поделили между собой, что кому принадлежит, в результате немцы испытали страшную трагедию.

Памятник советскому солдату возле Бранденбургских ворот и два танка на постаменте (могила погибших при взятии Рейхстага) – превращен в символ изоляции коммунизма в мире, презрения и ненависти ко всему тому, что на восток от «стены», которая рядом и возле которой кресты по застреленным при попытке к побегу из Восточного Берлина.

13 мая 79 г.

Еще о Берлине.

После обеда поехали в Шпандау. Это нечто вроде московской Марьиной Рощи – огромный промышленный район, пролетарский, где, когда едут оттуда в центр, говорят – «поеду в город». Но есть и шутки: «Берлин находится где-то на окраине Шпандау». Там самая сильная районная организация СЕПЗБ. Встретили они нас в райкоме – около 100 человек – с необыкновенным радушием. Произносили подготовленные приветствия, потом один за другим, будто отчитываясь перед нами, без тени подобострастия и отнюдь не по приказу, искренне. Особенно запомнилась молодая учительница, красавица, нежная, тонкая. Очень волновалась. И опять та же ситуация, что и накануне вечером: весь район знает, что она коммунистка, все ее начальство знает, между тем, она выдвинулась (по-нашему) в зам. завы районной организации. Ее любят и уважают повсеместно. Но стоит появиться публичному протесту со ссылкой на закон о «запрете на профессию» (который действует, как и в ФРГ) и ее затравят в несколько дней.

Вечером уже в Восточном («нашем») Берлине повез нас к себе домой Герберт Хэбер, зав. Отделом ЦК СЕПГ (он тоже ведает международным отделом, как и Винкельман, наследник Пауля Марковского, но другим – только для Западной Германии и Западного Берлина). Долго вез на окраину. В новостройки. Я ожидал, что условия жилья несравненно более высокого уровня, чем у аналогичных наших деятелей. Однако то, что было показано, превзошло: двухэтажный дом с садом, гостиные, спальни, кабинеты, погреб, службы, гараж, детские и проч. Везде телевизоры и всякая магнитофонная техника, убранство что надо, о котором я (аналог по должности в ЦК КПСС) и мечтать бы не посмел. Посидели мило и вкусно: были еще его жена и сын, десятиклассник. О политике почти не говорили.

Пономарев даже не поинтересовался, как там было в этой моей поездке. Вызвал и с ходу стал давать замечания по тексту его речи на экономической конференции в Институте Иноземцева, а 7-го мая ему надо было уже уезжать в Париж на XXII съезд ФКП.

Был на Секретариате ЦК 8-го и на Политбюро 10-го. На Секретариате обсуждалось подготовленное нашим Отделом письмо ЦК КПСС к ЦК КП Финляндии по поводу их стремительного сползания в ревизионизм – «исторический компромисс по-фински». Статья Аалто и дискуссия в партии, особенно после поражения на парламентских выборах. Письмо откровенное и даже по стандартам отношений КПСС-КПФ – бесцеремонное вмешательство во внутренние дела братской партии… Я давал разъяснения.

На ПБ обсуждались итоги визита Жискар д’Эстэна. Продолжалось это не более трех минут и было признано весьма положительным. Из чтения стенограммы переговоров я

понял, что Л.И. лишь зачитал два текста, а весь разговор вели Косыгин и Громыко. Брежнев лишь один раз вставил реплику о «серой зоне» (взаимное не размещение оружия с обеих сторон границы между двумя «лагерями» в Европе), да и то Громыко потом незаметно ее дезавуировал.

Брежнев несколько раз в последнее время появлялся и на экранах. Особенное впечатление произвело награждение им лично генералов (под 9 мая) и своего собственного сына, который зам. министра торговли – орденом Октябрьской революции. В Москве только об этом и говорят.

День Победы. С Колькой Варламовым. Ностальгия по военной юности в сочетании с чувством неудобства перед современной юностью за то, что мы ей навязываем свои критерии, свой образ чувств и мыслей и вызываем этим лишь иронию, а то и просто сопротивление, и презрение к нам. Тем более что все это делается средствами официальной политики и пропаганды в атмосфере, когда, оказывается, решающую роль в победе сыграла 18-ая армия! (т.е. Брежнев на «Малой земле»).

19 мая 79 г.

Еще раз на Секретариате ЦК.

Я там фигурировал дважды. Один раз – породнение городов: ССОД предложил из 56 просьб выбрать 10. Я еще в Отделе усомнился в Вологде и Великих Луках, как партнерах двух шведских городков. И правильно усомнился. Суслов и др. очень журили за то, что «не думают товарищи», что мы там будем показывать и чем хвалиться перед шведами. Вологда еле удержалась, в Великих Луках, которые я помню только по войне – одни землянки. Вычеркнули.

20 мая 79 г.

Я озабочен завтрашним выступлением Б.Н. об НТР у Иноземцева с участием западных коммунистов больше - чем он сам. Его заботит не то, что меня, а именно - Плющ в Париже подал на него в суд за то, что на Софийской конференции он назвал его в ряду тех, кто сотрудничает с иностранной разведкой. Журналу «L’etude sovietique», который перепечатал его речь, это грозит штрафом в 10.000 долларов и оплатой публикации опровержения и извинения в 10-ти газетах. Червоненко разослал этот «эпизод» по большой разметке. Вызвав дополнительное негодование Б.Н.’а. Пытался он и на меня навалиться: зачем, мол, такое вписали. Но я ему с текстами в руках быстро доказал, что фразы,

относящейся к Плющу, не было ни в черновике доклада, ни в рассылке по ПБ, ни даже в тексте, который он произносил в Софии (стенографистка фиксировала, какие поправки он вносил при произнесении и этот экземпляр у меня). Фраза о Плюще появилась впервые в болгарском ротаторном варианте после произнесения. Б.Н. чувствует, что сам виноват, пытается искать виновных среди тех, кто просматривал верстку перед изданием. Возможно, это был я…

Но дело не в этом. Все печатные тексты, на всех языках содержат эту фразу. И это – вполне законное основание для иска о клевете. Доказать, что Плющ шпион, да еще задним числом, - невозможно. Его ведь даже не судили… Он прямо из психушки – в Париж.

Б.Н.'а беспокоит, как на это отреагирует его начальство. А отреагирует ясно как: выступает, мол, в печати по три раза в месяц, чорт-те что там ему пишут, а он все произносит, да еще печатает в самых авторитетных печатных органах. «Авторитет» по всем вопросам – от разоружения, Коминтерна и социал-демократии до НТР и кризиса капитализма, не говоря уже о реальном социализме и т.д.

Его академическо-теоретическая плодовитость вызывает раздражение давно и у Брежнева, и у Суслова, и у Кириленко, практически у всех.

Я уже не раз отмечал: мы, замученные этим его «творчеством» никак не можем понять, зачем это ему нужно. Ведь очевидно, что оно имеет обратный для его карьеры результат. А с точки зрения теории и выхода в марксистско-ленинскую мысль?! Вклад в нее может быть только объявлен сверху, а отнюдь не «внесен».

На днях был в гостях в одной интеллигентной семье. И опять я оказался в перекрестье обывательско-интеллигентской дискуссии – о том, почему нет мяса и почему, например, эстонцы, которые производят 180 кг. на душу в республике, должны кормить узбеков, а сами оставаться без мяса?

Порадовала статья Глушковой в «Литературной газете», которая зло высмеяла «нравственную критику» современной советской поэзии, напомнила знаменитое пушкинское насчет «нравственного»: это, мол, «совсем другое дело» и заявила, что пора от этих слюней отходить (от этой жалкой моды) и судить поэзию по законам культуры и историзма, а не по «критериям нравственности», в которые каждый вкладывает свой капризный смысл.

9 июня 79 г.

Б.Н. почти каждый день рождает какие-нибудь инициативы. Например, послать послание Брандту в связи с евровыборами. Но от кого? Кто может обращаться к Брандту, кроме Брежнева. А Брежневу, который о европарламенте и не слыхивал, наверно, только до этого и делов! Я такие инициативы, как правило, «замалчиваю», но иногда Б.Н., с его цепкой памятью, прочтя какую-нибудь очередную шифровку, вспоминает… и припоминает мне…

21 июня 79 г.

В эти дни был «поцелуй Картера» (с Брежневым) в Вене.… И уже цейтнот в подготовке пономаревских текстов к Берлинскому совещанию секретарей ЦК. В свете «поцелуя» наш классовый подход и разоблачение американского империализма выглядят не очень уместно.

Пойду выкручивать мозги, как совместить одно с другим.

Когда Пономарев заставил нас с Загладиным в прошлую пятницу подготовить проект постановления Политбюро по итогам Венской встречи Брежнев-Картер, я в душе плевался. Ну, куда опять лезет? Мы, Отдел, никакого отношения к переговорам не имели.

Но я опять недооценил Пономарева, который умеет пользоваться коридорами власти, и не раз уже в подобных же случаях проталкивал «свои» варианты решений… Конечно, через Суслова. Суслов, мол, зачитал текст и утвердил без поправок.

Рассказал и о том, что сообщил Л.И. на ПБ. Рассказывал скучно и сбивчиво. Усек я несколько моментов, которые практически сейчас нужны для подготовки совещания секретарей в Берлине: не изображать встречу в Вене как нашу победу; не настаивать, что это нам особенно выгодно; не ругать Картера, но и не хвалить, не мешать ему добиваться ратификации. Она нам нужна. Но мы не пропадем, хотя, если ее не будет, придется еще и еще сильно раскошелиться.

Зато карьере Картера конец. А он, мол, очень хочет еще побыть в президентах и не скрывает этого.

Попытки нажать на нас (шпионаж с территории Турции – самолетами, по Ближнему Востоку – смириться с новым сроком войск ООН на Синае; поддержать план урегулирования на Юге Африки) – не прошли. Картеру твердо сказано, что ждать от нас тут чего-либо бессмысленно.

Особый упор (и рассматривается, как достижение) на то, что оба заявили: не будут добиваться превосходства. Однако, Картер, вернувшись, в речи перед Конгрессом прямо

сказал, что Америка сильнее и будет сильнее. А его Пауэлл с цифрами в руках публично доказывал, что так оно и есть: и по ракетам, и по самолетам, и по подводным лодкам, и по экономическому потенциалу, в котором вместе с союзниками они нас превосходят в три раза!! И т.п.

23 июня 79 г.

Сижу дома.

Куда же все-таки идет Россия?

Скоро еще повысят цены на предметы роскоши: машины, мебель, меха, золото.… По закону вечной политэкономии это сразу скажется на тех, кто покупает на рынке лук, репу, укроп, огурцы, картошку, а потом по закону инфляции и на ценах ширпотреба.

Ребята из Отдела планово-финансовых органов говорят, что ни разу ни одно такое «мероприятие» не давало искомого эффекта: 2-3 месяца поступления в бюджет увеличиваются, а потом все опять «как было», зато растет коррупция, цинизм, хищничество. Например, если раньше за мебельный гарнитур в магазине брали в лапу 10 % от стоимости, то теперь уже 100 %.

Они же говорят, что «с мест» идет поток писем, все более требовательный и угрожающий. Например, «не думайте, что у русского народа терпение беспредельно»… Все чаще всерьез (не анонимно) требуют введения карточек на мясо, молоко, крупы.

Судя по всему, урожай в этом году будет очень плохой. И – ждать беды.

В самом деле, неужели великий народ и великая страна должны столько времени (и впредь ничего не светит) терпеть такой экономический позор для того, чтобы ее лидер мог «на равных» разговаривать с Картером!?

Ведь никто уже не верит, что на нас хотят напасть, что нас хотят «захватить», подчинить, разгромить и т.п. Для чего же тогда эта военная сила, которая стала ужасающим тормозом всего нашего развития, и в жертву которой приносятся интересы народа?! Но в конце XX века смешновата такая слава. И не случайно нынешней молодежи (в отличие от наших поколений) плевать на эту славу, а то и на саму «Родину».

Как и следовало ожидать, Б.Н. побывав на Политбюро, понял, что надо возвращаться к первому варианту доклада для Берлина, сосредоточиться на пропаганде ОСВ-2 и не особенно лезть с классовым анализом долговременных тенденций борьбы против империализма. Именно в этом духе он вчера давал замечания по варианту, который был исполнен в точном соответствии с его указаниями, данными неделю назад. Был недоволен акцентом на «долговременные проблемы». И – я не устаю этим поражаться в нем – делал

вид, будто не он дал схему, не он дал диктовку, не он разгромил предыдущий вариант «за поверхностность, поскольку главное там было посвящено ОСВ-2.

Я, однако, не преминул ему вежливо напомнить… С него как с гуся вода.

С точки зрения «интересов дела» так-то, конечно, лучше. Да и надоела эта его претензия изображать из себя теоретика.

30 июня 79 г.

Неделя прошла как в угаре: обычный финиш перед пономаревским действом. В понедельник выезжаем в Берлин. В этой политической литературщине, которой я занимаюсь, никогда почти не изменяет предчувствие. Пономарев со своим коминтерновско-пропагандистским подходом к политике, с самого начала давил нас в ложном направлении. Мы сопротивлялись, но «соотношение весовых категорий» ставит быстро предел нашим протестам. Так и здесь: ведь концепция Б.Н.'а фактически сводилась к тому, что, несмотря на все ОСВ-2 и проч., ничего не изменится – гонка будет продолжаться, империализм будет готовить войну, все будет идти предначертанным классовой борьбой путем. Поэтому в Берлине надо бить в набат, разоблачать, мобилизовывать и проч.

Все мы были уверены, что после Вены он будет вынужден снизить тон. Так и произошло: теперь он удивляется, как могло в тексте сохраниться – что мы пропагандой будем стремиться влиять на правительство и Конгресс в духе ратификации ОСВ-2 – не дай Бог произойдет утечка!..

А вчера пал и последний редут: «МХ» (новая самая мощная американская ракета). На протяжении двух с лишним месяцев не было «собеседования» по подготовке к Берлину, чтобы он не требовал разоблачения «этого плана Картера»: ведь что же это происходит – одной рукой он, Картер, за ОСВ, другой создает новую почти неконтролируемую угрозу для нас, поощряет гонку и проч.!

Нехотя, плюясь, мы вписали сначала 5 страниц про «МХ», потом убавили до трех, потом до одной, потом, после замечаний Зимянина – до одного абзаца. А вчера пришло грубое, безымянное «замечание» Громыко: мол, неправильно поднимать этот вопрос, - «МХ» не подпадает под ОСВ-2, и вообще не дело подобными вещами заниматься на «таком форуме». Когда я показал это Б.Н.'у, он, покраснев, сказал: «Ну что ж, примем это, и вычеркнул последний свой выпад против «МХ».

Провалилась моя попытка говорить с Б.Н. о коррупции в министерских кругах: одно за другим вскрываются дела (на уровне зам. министров) с взятками, кумовством, грабежом государственного имущества на миллионы рублей.

А тут еще повышение цен с 1 июля. Вот тебе и ОСВ-2!

Статья Виктора Афанасьева в «Правде» о поездке в Японию – это, видно, тот новый стиль, который сам Виктор (с высоты своего положения главного редактора «Правды») демонстрирует исполнение постановления ЦК по идеологии. Показал образец капитализма, у которого нам надо учиться, объяснил (без всяких околичностей в духе разоблачения эксплуататорского строя), почему японцы увеличили за 30 лет промышленное производство в 20 раз! Описал Японию современной эпохи. И поучение нам – не в подтексте, намеками, а прямо: вот так надо работать, вот так надо организовывать труд, вот так надо использовать ресурсы и т.п.

8 июля 79 г.

Со 2 по 6 июля был в Берлине. Совещание (шестое) секретарей ЦК соцстран. Есть минилогика событий, но есть их место в определяющем ходе главных событий. С точки зрения большой политики я так зафиксировал свои наблюдения: «Мы надоели нашим «друзьям». Надоели прежде всего тем, что своей позицией по отношению к Западу, к китайцам и проч. создаем якобы нужную нам и им ситуацию в мировом масштабе. Не то чтобы они (правящие компартии) были в принципе против нашей внешней политики. Нет. Но им надоело играть роль хористов, и у них есть «свои дела», и им стало противно тратить энергию на политический треп».

Что касается идеолого-пропагандистской координации (ради которой по большей части эти совещания и собираются), то отношение наших друзей выразил однажды (не на заседании, конечно, а в баре) болгарин Дмитрий Станишев [1]: «Какая, говорит, координация?.. Надо, чтоб люди были сыты, одеты, жили не хуже, чем в ФРГ, например. Тогда и никакой идеологической координации не потребуется. А вы мешаете. Вы вот, например, ворчите все время, что мы кредиты у Запада берем, в долги влезаем. А что нам делать? Вы же их нам не даете и не можете дать. Мы же сами вот это барахло, - пальцами оттягивает у Загладина на груди рубашку - производим качественнее вас, вы в Москве такие рубашки за валюту в «Березке» продаете. Так чего же нам ждать? А народ нас спрашивает - почему мы не можем жить так же или лучше, как западные немцы или австрийцы, или датчане, которые ездят к нам десятками тысяч на Золотой берег? И не миллионеры ведь ездят, а такие же рабочие!»

[1] Секретарь ЦК Болгарской компартии, очень близкий нам, международникам, человек доверявший ЦК КПСС безгранично. Он давно все видел и понимал, что происходит у них самих под предводительством Живкова.

Вот и весь сказ! «Друзьям»- немцам не нравилось, что мы делали с ФРГ свою европейскую политику - через голову ГДР. А их, восточных немцев, своих союзников, заставляли кричать против ФРГ. Бурно развивая с Западной Германией экономические связи, мы то и дело тыкали в нос ГДРовцам «коварство» Бонна и пытались запретить или хотя бы сдержать развитие их экономических отношений с ФРГ. А оно, несмотря на наши запреты, уже превратилось в экономическую экспансию ФРГ. Простой народ это приветствовал, а ГДРовское начальство не видело другого выхода. Аксен, член ПБ СЕПГ, выступая на упомянутом совещании, ритуально, чтоб нам понравиться, опять сильно ругал ФРГ и особенно их социал-демократию. А в кулуарах возмущался, почему Пономарев не сделал того же!

Венгры были недовольны тем, что мы, координируя, делали вид, будто существует единство между политикой вьетнамско-лаотянской (тем более идеологией) и их, венгерской, да и советской тоже. – «Послушай, - говорил мне Лакош [2], - вы действительно думаете, что это одна политика? То, что сказал здесь вьетнамец, уместно было слышать лет 15 назад, да и то в душе покоробило бы. А сейчас? Зачем мы занимаемся фарисейством, зачем такие лицемерные совещания? Не опасно ли это и для самой политики? Ведь ни разу никто словом не обмолвился, чтобы заронить у вьетнамцев сомнение во всеобщей поддержке их точки зрения!»

И все, разумеется, возмущались тем, что мы заставляем 10 партий на этих совещаниях цацкаться с румынами только для того, чтобы те присоединились к общему коммюнике. Но когда чех, вьетнамец или поляк пытались внести какие-то мелкие редакционные поправки, мы пускали в ход все средства, вплоть до бесед на уровне секретарей ЦК, чтобы те «не настаивали», не раскачивали лодку, которая вот-вот и так опрокинется.

Наши друзья, естественно, делали вывод: значит - чем больше ты выкабениваешься перед КПСС, тем больше с тобой считаются!

Сами румыны, их тактика и политика, не говоря о личном поведении, ни у кого симпатий не вызывали. Но никто «не хотел понимать», зачем с ними так возиться. Советскому Союзу нужна была демонстрация единства, а остальные должны были ради этого терпеть румынские пошлости, поступаться своим достоинством.

Надоела нашим «друзьям» двойная игра КПСС в коммунистическом движении в связи с еврокоммунизмом. Во время упомянутого берлинского совещания была проведена опять тайная встреча секретарей ЦК (без румын).

---

[2] - Лакош в это время был директором партийно-идеологического института при ЦК ВСРП (аналог нашего ИМЭЛ’а). Я был знаком с ним еще по работе в журнале «Проблемы мира и социализма».

Вот как она происходила. Член Политбюро СЕПГ Хагер председательствует. Пономарев, выступая первым, выдавал свои оценки за общую для всех присутствующих линию. Кончил.

Хагер: Кто хочет слова? Молчание. Оно продолжается несколько минут. Кубинец, видно, чтобы спасти ситуацию, долго рассказывает о подготовке конференции Движения неприсоединения в Гаване, то есть совсем не на тему.

Хагер опять обращается: Кто хочет слова?

И опять молчание. Тогда Русаков берет слово, хотя по сценарию должен был выступать последним. Рассказывает о наших отношениях с румынами, югославами и корейцами.

Хагер... и опять молчание. Тогда немец благодарит выступивших (т.е. Пономарева, кубинца и Русакова) и желает всем спокойной ночи. На всех шести предшествующих подобных совещаниях, начиная с 1973 года, были такие закрытые встречи. На всех шести я присутствовал. Но никогда не было такого! Это выглядело как молчаливая обструкция. Как протест на коленях или кукиш в кармане. Друзья-союзники не хотели больше слушать директив, они уже позволяли себе «не соглашаться» с методом формулирования политики, особенно той, которая «сделана» без них. Теперь они уже противятся, не хотят принимать политику КПСС как общую политику соцсодружества в целом.

Пономарев был шокирован. Я пытался с ним позже поговорить на эту тему. Он ушел от разговора. Он знал, как себя вести: у КПСС не может быть неудач ни в чем, и значит, здесь все было как надо. И уж во всяком случае, не следует шуметь, если что-то было не совсем так.

В мини-плане все действительно было в порядке. На открытой встрече все выступали по кругу, по два, а некоторые делегации по три раза, делая вид «живой дискуссии», а на самом деле даже не слушая друг друга. Были приемы, беседы между собой, всякое прочее общение. Второй эшелон (эксперты и советники) жил в партгостинице, ночи проводили в баре: джаз, танцы и откровенности под вино и пиво.

Советских было 28 человек. Другие делегации тоже не маленькие, примерно по столько же. Всего, говорят, в совещании и около участвовало не менее 200 иностранцев.

Так что все было внушительно и как полагается.

13 июля 79 г.

Неделя была насыщенной: проект для ПБ по итогам Берлина и шпаргалка для Б.Н., чтобы выступить там.

Оценка 11 тома «Истории СССР» (1946-64) – Б.Н. попросил провести главную редакцию перед сдачей в издательство. Посмотрел я эти 600 с лишним страниц. Скукота и фарисейство. Те, кто пережил сам и не забыл, может по жаргонным формулам и внешним ориентирам восстановит этот глубоко драматический период нашей истории. А «новый» читатель ничего не вычитает оттуда, да у него и терпенья не хватит пережевать эту вату.

Написал очень ядовитый отзыв. Зайцев говорит, что Б.Н. его широко использовал перед 32 членами авторского коллектива.

<u>19 июля 79 г.</u>

Сегодня впервые выступал на Политбюро. И только сейчас, дома, «осознал» значительность события. А когда шел из Кремля и потом продолжал править памятку для бесед с имеющей место быть во вторник делегацией ФКП (Гремец), когда сообщал сектору о результатах, как-то и не придал этому значение: служба и служба. Да, и в самом деле, так оно и есть, хотя, конечно, из 15 млн. советских коммунистов не многим приходилось не только выступать, но и побывать на Политбюро.

Обсуждался на ПБ вопрос о продолжающемся разгроме компартии Ирака баасистами – Саддамом Хусейном, который только что стал президентом. Нашему Отделу предложили опубликовать сокращенный текст майского обращения ЦК КП Ирака по этому поводу и «осторожную статью в «Правде», послать ушедшим в горы к курдам коммунистом «одеяла и подушки», но не оружие, две радиостанции и т.п.

Председательствовавший Кириленко попросил меня сказать пару слов. Я сказал, почему мы это предлагаем и как «по-нашему» будут развиваться события в Ираке с приходом Хусейна: коммунистам, во всяком случае, будет еще хуже.

Тем не менее, А.П. предложил повременить, чтоб этот наш втык не был первым публичным актом в отношении нового президента. Еще раз надо, мол, попытаться воззвать к его разуму. А потом уж и выступать публично. Что же касается «одеял и подушек», то я так и понял, поддержано это или нет. И правильно сделал, так как нечего мелочиться, когда политика определена.

Б.Н. в Афганистане. Завтра возвращается.

Награждение Каштана, генсека Канады. Отвратительное предприятие: на Плотниковом мне пришлось держать о нем речь – тост. В присутствии его товарищей -

членов ПБ. Говорить о несуществующих заслугах лидера несуществующей партии, к тому же – весьма сомнительного человека.

Посол Александр Яковлев, которого туда 7 лет назад перевели с должности зам. зава Отдела пропаганды, так как он не был готов организовывать в СМИ культ Брежнева, сидел со мной рядом. Только я закончил свою искусно вымученную речь, он мне шепчет на ухо: «Самый подозрительный тип из всех канадцев, с какими я имел дело».

Еще хорошо я догадался посоветовать Василию Васильевичу Кузнецову – зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР (после награждения в Кремле) выкинуть из его речи (из текста для публикаций) слова «верный ленинец».

… На Секретариате ЦК приняты поправки к правилам поведения советских людей за границей. Там, с одной стороны, громогласная преамбула, что они должны нести правду о советской стране и проч., а с другой, фактически исключается какой-либо контакт с туземцами.

27 июля 79 г.

Приехал Гремец (секретарь ЦК ФКП). 24 и 25 июля в ЦК КПСС состоялись беседы, в которых принимали участие Пономарев, Черняев и Гремец. На этот счет «Правда» отметила: «Беседы, проходившие в дружеской, откровенной атмосфере, охватили широкий круг политических и экономических проблем современной международной обстановки, в том числе в Европе. Особое внимание было уделено вопросам разоружения, необходимости усиления действий против гонки вооружений, в целях укрепления разрядки.

Участники встречи изложили точки зрения своих партий на вопросы демократии и социализма.

Представители КПСС и ФКП считают, что обмен мнениями является полезным и конструктивным и выражает совместное стремление обеих партий развивать и впредь отношения и сотрудничество между ними».

Для понимающего подобное коммюнике (первое после 1971 года) говорит о многом. Видимо, ФКП нуждается в нас, поняла, что «против нас» (хотя и не с нами) не проживет, а власти все равно не видать… Гремец, правда, не настаивал на том, чтобы записать в коммюнике о разногласиях, но предпоследний абзац мне пришлось предложить в качестве компромисса, чтобы не допустить их формулировки, где намек на разногласия был словесный, а не только смысловой.

Сам Гремец парень простой и очень хочет соответствовать своему посту, поэтому точно перелагает резолюции и заявления Жоры (Марше), но не заводится и не идет на

обострение. А по полету и масштабам он далеко не Канапа, который помимо политики партии делал еще и свою политику.

Картезианская ясность (при слабости личного интеллектуального потенциала и образованности) выродилась у французских наших друзей в упрощенческий ревизионистский догматизм. Вся их политика сводится к простой задаче: «всё для партии, всё во имя партии». Торез в свое время сумел перевести их на рельсы – партия для нации. Теперь они возвращаются к доторезовским временам, но с претензией на творческое развитие марксизма.

Всерьез с ними дискутировать – пустое занятие. Они не умеют аргументировать свои постулаты.

Примеры:

1) Сдвиг вправо в Европе. Не надо это слишком часто повторять, так как такое настаивание на правом сдвиге идет на пользу социал-демократам. А это плохо! (Страшнее социал-демократов зверя сейчас нет, будь то Миттеран, Брандт и кто угодно).

Не важно, значит, есть ли на самом деле сдвиг вправо и как на это реагировать в реальной политике. Важно не дать шанса социал-демократам.

Б.Н. спрашивает: Что же Штраус лучше Шмидта?

Гремец: Не знаю, не знаю. Не хотел бы однозначно отвечать. Шмидт хорошо служит монополиям и проч. Т.е. та же старая песня – чем хуже, тем лучше. Поэтому и ни о каком сотрудничестве с социал-демократами (по каким угодно вопросам – разрядка, гонка вооружений и т.д.) не может быть и речи, в том числе и в Европарламенте. «Там мы будем выражать точку зрения только своей партии».

2) Главное у нас с вами разногласие, напыщенно произносит Гремец, в том, что вы, как сказано на нашем съезде, не понимаете (недооцениваете) универсальности демократического компонента и его значения в условиях социализма. Дело не в диссидентах, это – мелочь. Дело в общетеоретическом разногласии.

Спрашиваем: Ну, а все-таки, в чем выражается наше непонимание?

В ответ следуют невразумительные фразы, а потом: вы применяете административные меры, когда надо бороться политическими средствами.

Б.Н. ловит: значит, дело все-таки в диссидентах, в том, что вы за то, чтобы мы разрешили антисоветчикам выходить на Красную площадь и кричать, что хотят, создавать антисоветские группки и т.п., так?

В ответ – опять общие фразы, но уже не возвращается к тезису, что диссиденты – это мелочь, подробность.

Вот и дискутируй с такими теоретиками.

При этом неоднократно заявляли, что они не собираются никого учить и отстаивают право любой иметь свое мнение по любому вопросу. Но, между прочим, выразили протест по поводу того, что Моруа (лидер социалистов), побывав в прошлом году в Москве (по линии породнения Харьков-Лилль), выступил по французскому телевидению и сообщил, что КПСС разделяет их, ФСП, оценку итогов парламентских выборов во Франции.

Б.Н. тут же назвал заявление Моруа ложью. Хотя это не совсем так. Я сам присутствовал на конфиденциальной беседе с Моруа у Загладина и собственными ушами слышал, как Вадим прозрачно «дал понять», что мы не разделяем оценок, даваемых коммунистами по итогам тех самых ключевых выборов...

Но дело не в этом. А в том, что наши французские друзья при всей их демагогии насчет равноправия не допускают и мысли, чтобы, например, КПСС имела по какому то ни было французскому вопросу мнение, отличное от мнения ФКП.

Б.Н. с ними проговорил за два дня около 6 часов. Остальное время я. Много раз разговор соскакивал на католиков, на Папу в Польше и вообще. И здесь, как и в другом, очень неглубоко берут. Папа для этого специалиста по католикам (он долгое время вел эту тему в ЦК ФКП) – лишь реалист, а его визит в Польшу – большое достижение с точки зрения сотрудничества церкви и социалистического государства. Попытки углубить тему в сферу философско-идеологическую и даже просто политическую (но с перспективой) приводили лишь к монотонному и надменному повторению общих одних и тех же фраз.

Б.Н. затеял еще одно поучение Западу: хочет «написать» статью о том, что революции в современном мире – это не «рука Москвы», а объективный процесс. Вот он выступит – и Бжезинский с К° сразу осознают это, антисоветизму будет нанесен еще один удар.

Он нам с Козловым посоветовал прочитать его статьи и доклады, которые опубликованы там-то и тогда-то, или не опубликованы, но их можно достать у Балмашнова. Я, говорит, давно, задолго до того, как Брежнев сказал это в Вене, занимался этой проблемой… «Вы почитайте, почитайте, там в основном все, что нужно для данной статьи, уже есть».

Комизм состоит в том, что эту статью и доклады писали ему в основном мы с Лешкой (Козловым). Что это? – презрение к нам, старческий маразм, самомнение или полная нравственная извращенность на почве обюрокрачивания мозга и души?!

Это так часто повторяется, что уже не хочется возмущаться.

<u>4 августа 79 г.</u>

Очень тяжелая неделя прошла.

Во вторник был Секретариат ЦК. Потрясенный, я слушал обсуждение о невыполнении министерствами решений ПБ по производству техники, облегчающей и заменяющей ручной труд. Зав. Отделом Фролов сообщил, что мы на 60 % отстаем от капиталистических стран по замене ручного труда. Заявил, что министры проявили недисциплинированность. Потом выходили к столу министры: Антонов (радиотехника), Новоселов, Поляков, еще кто-то, а также зам. председателя Госплана Исаев.

Я уже писал как-то об Антонове, другие подстать ему. Это компетентные, знающие, свободно владеющие темой советские менеджеры, явно не глупые и с характером. И хотя их вызвали на разнос, не видно было, чтобы кто-нибудь трусил. Позиция была по Маяковскому: вот вам мое стило, пожалуйста, пишите сами.

Антонов начал с того, что да, он виноват, не справился. Но потом: меня упрекают, что я не выполнил заданий по производству автокар. Это так. Я действительно, не ввел в строй (сколько-то) новых заводов, и не дореконструировал (столько-то) старых. Я этого не сделал потому, что половина болгарских автокар, полученных по импорту, и половина тех, которые я выпустил, стоят под заборами. Для них нет аккумуляторов. А аккумуляторов нет потому, что нет свинца, и Госплан изъял средства на строительство нового аккумуляторного завода, потому что там не из чего было бы делать продукцию. И т.д.

Новоселов начал иначе. Вы, говорит, думаете интересно нам здесь, заслуженным и убеленным, стоять как мальчишкам и выслушивать всякие слова?! Нет... Вы, Андрей Павлович (Кириленко), сказали здесь, что нас шесть раз предупреждали. Но за эти же годы Госплан шесть раз сокращал ассигнования на гражданское строительство по моему министерству, сначала на 12, 15, потом на 20, наконец, на 38 %. За счет чего я мог реконструировать и ставить новые производства?

В этом же духе выступал Поляков (автостроение). Исаев пытался свалить на министров, но признал, что до 1978 года выделил недостаточно средств. Теперь обещал наверстать.

Но самое главное – беспомощность Кириленко. Он то и дело подзывал помощника, то и дело стрелял в министров какими-то цифрами, из которых должно было следовать, что они за семь лет ничего не сделали. Но они тут же вежливо отводили упреки, аргументируя железным фактами. А с упреками в адрес Полякова вообще получился конфуз: тот пропускал их мимо ушей и со стороны казалось, что он нагло их игнорирует, не отвечая на грозные вопросы. Но потом, не выдержал и интеллигентно разъяснил: Андрей Павлович, вы не о том мне говорите, это не по моему ведомству, я выпускаю автокары с двигателями внутреннего сгорания... Минута молчания...

Но опять же не в этом главное. Главное в том, что ЦК ничего не смог конкретно предложить для исправления положения – ни перераспределения средств, ни новых средств, ничего другого. Секретари ЦК, кроме Горбачева, который сказал что-то дельное о том, сколько теряем сельскохозяйственной продукции из-за того, что нет погрузочно-разгрузочных средств, остальные (но не наш Б.Н.) молчали: они идеологи или международники, или оргпартработники и не шибко касаются экономических проблем.

Говорил в основном Кириленко (и не раз). Но он читал мораль: ах, как нехорошо, вы же коммунисты, ответственные товарищи, знающие и умные, ЦК вас поставил, вам дано задание, а вы? Нельзя, нехорошо так относиться к постановлению ПБ. Подумаешь, не дали вам денег, сократили ассигнование! А вы и руки опустили, воспользовались этим, чтоб ничего не делать. Это, мол, потому, что для вас это не основное производство, «на дядю не хотели работать» и проч.

Было стыдно и дико! Ведь ничего, кроме дедовского «давай, давай» и «коммунистам не страшны никакие трудности» не было в этих косноязычных тирадах председательствующего.

Я по случаю оказался рядом с этими министрами. Они сидели, слушали, ухмылялись, перебрасывались презрительными репликами, а то и просто фразами: Зачем же нас надо было собирать? Что дает такое, с позволения сказать, обсуждение в Центральном Комитете? Это же дискредитация? Ведь ничего мы не сможем сделать, если и дальше нам так будут планировать. Нас можно снять, но дело от этого не поправится...

Ушел я убитый. Неужели не хватает даже ума не устраивать подобных партийных спектаклей, если нет ни материальных возможностей, ни умения или решимости по-деловому решать вопросы?

Таково одно событие моей недели.

В понедельник у Б.Н.'а принимали Каштана. Обычная болтовня: рассказывает он, как всегда, банальности о положении в Канаде и ничего о себе, о партии.

Б.Н., посоветовавшись со мной загодя, решил врезать ему на этот раз: мол, как же так: вы говорите кризис, безработица, инфляция, американцы давят, а партия все идет на убыль. На прошлых парламентских выборах вы получили еще меньше, чем на предыдущих (сам Каштан, кстати, всего 193 голоса). И что это за история с Бигингом, которого вы исключили... Каштан весь потерялся, не нашел, что ответить, стал путаться в численности и почему рабочие не идут в партию. Встреча закончилась в состоянии переполоха. А когда вышли из кабинета, он мне: «Я хотел бы продолжить дискуссию с вами».

В среду мы ее продолжили на Плотниковом. Но дело, как и в прошлые его приезды, свелось к тому, что он, вынув бумажку, тщательно записывал за обедом, выспрашивая меня

о теоретических вопросах МКД, о возможной избирательной стратегии, обо всем том, что ему понадобиться для отчетного доклада на предстоящем в ноябре съезде партии - чтоб выглядеть там осведомленным и на уровне.

На другой день у Б.Н.'а встречались с Флоракисом (генсеком КП Греции). Это совсем другое дело. За несколько лет он создал сильную партию. И теперь появился, чтоб подготовить визит в Москву премьера Карманлиса (впервые в истории отношений СССР - Греция). Ехал он морем в Ялту. Но, во-первых, ни Брежнев, который сейчас там, ни даже Черненко, который был на последнем съезде КПГ, не приняли его в Крыму. И даже не ответили. И опять пришлось отдуваться Б.Н.'у. Он согласился встретиться с Флоракисом в Москве. Тот, конечно, не сечет наших порядков и не представляет себе, что Б.Н.'а даже всерьез и слушать не будут по поводу соображений, которые он привез на «высший уровень».

А привез он следующее: Карманлис, хоть и антикоммунист, но он не хочет быть под сапогом у США. Поэтому он ищет поддержки у СССР. Однако, ему нужны реальные последствия визита, с одними хорошими словами он в Афины вернуться не может. Он рассчитывает получить согласие на строительство глиноземного завода в Греции, на поставки газа, электроэнергии (пусть в скромных размерах), нефти, на расширение товарообмена.

Единственное, что Б.Н. мог ему ответить – доложим! И тут же «доверительно» добавил: вы, мол, поближе к визиту, за неделю - две дайте телеграмму через нашего посла обо всем этом. Не знаю, догадался ли Флоракис, но смысл этой операции в том, что телеграмму-то помощник или Громыко может еще и доложат Брежневу, а вот сумеет ли Б.Н. доложить о беседе с Флоракисом - это весьма проблематично, тем более, принять какие-то конкретные меры.

Дело, однако, не только в этих наших порядках. Дело в том, что американцы, окажись они в нашем положении, не задумываясь, дали бы Карманлису все, что просит и даже больше, а у нас дать нечего. Остается один «моральный капитал», из которого шубы не будет, тем более, что он - шагреневая кожа.

Вчера принимал в ЦК (уже один) 10 человек испанских коммунистов – ученых, которые перед этим поездили по стране. Очень нелегки эти собеседования: не выглядеть банальным апологетом, которому вследствие этого не поверят и общий итог очередного контакта с КПИ будет скорее негативный, а вместе с тем подать наши проблемы, заботы и дела серьезно, критично, но на мажорно-оптимистической струне. В международных проблемах это для меня просто. Во внутренних – очень трудно, выдумывал всю ночь перед тем.

Перцов (референт по Испании) говорил мне после их отъезда, что я их совершенно очаровал, за обедом только и разговоров было, что обо мне.

А я обедал потом два с половиной часа с О'Риорданом, который собирается на отдых в Литву вместе со своей «советской женой», бывшей его здешней переводчицей. Подкинул я ему идею проведения комконференции католических стран по политике Папы (в связи с его визитом в Польшу). Он ухватился. А к идее комконференции против антикоммунизма он отнесся кислее.

Конечно, у него партия столь же значительна, как у Каштана. Но он хоть умный человек, с ним интересно. И он сам делится мыслями, а не только выуживает твои, как Каштан.

Ко всему этому повседневная служба. Десятки больших бумаг – записки в ЦК, всякие предложения, сотни телеграмм, на многие из которых надо реагировать. Поток летучих вопросов у секторов и консультантов, на дню по десятку. Да и задания Б.Н.'а опять стекаются в одно горлышко. Информация, не говоря уже о ТАСС, просто оглушает. Но не проглядывать ее, значит, мгновенно отстать и появляется сразу неуверенность в реакции на служебные записки и звонки.

В результате всего этого вечерами доходило до головокружения. И когда брел домой, чувствовал, будто часть моего организма просто атрофирована.

<u>12 августа 79 г.</u>

Физическая усталость все чаще дает о себе знать. И все больше томит размеренное однообразие жизни: каждый день 9-10 часов службы, иногда и вечера, «иностранные друзья», коммунисты, которые любят приезжать именно в субботу и воскресенье и беседовать с нашим братом тоже в эти дни. Кстати, на той неделе принимал Гаспферони и Барулли, председателя и генсекретаря Санмаринской КП. Приехали просить нефть (60 тысяч тонн), иначе их единственное в капиталистическом мире правительство с участием коммунистов сбросят итальянцы с помощью энергетической блокады.

Минвнешторг готов был им отвалить эту малую толику (итальянцам даем 7 млн. Тонн), я знал об этом, поэтому легко было изобразить, что это ЦК идет им навстречу, хотя Б.Н. меня предупреждал, что, мол, не надо ввязываться в «это дело».

Все больше и больше его шпыняют и он становится все осторожнее, особенно, когда дело связано с материальными расходами. Даже Корниенко (этот наглый хохол, действующий под прикрытием Громыко) позволил себе на последнем ПБ поднять хвост на Б.Н.'а и поправку его (фактически мою) завалили: чтобы выбросить из проекта закона об

иностранных гражданах в СССР фразу об ограничении их передвижения «по причинам ограждения нравственности» наших людей. Чистый вздор – выходит, что, например, в Москве может жить безнравственный иностранец, а в Новосибирске нет. Однако, завалили... и еще раз подставились под антисоветские жерла. Очевидно, что иррациональная охранительность сильнее всяких доводов. Главное же, что какой-то зам. министра может открыто нокаутировать секретаря ЦК и это поощряется, так как Громыко «вхож» и друг.

Взялся (впервые в жизни целиком) читать Чаадаева в полном издании Гершензона 1913-14 гг. При советской власти «интегрально» Чаадаев так и не издан.

Прочел на днях А. Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма». Конечно, мы, русские, всегда будем воспринимать Ленина иначе и эмоциональнее, но дело в том, что Запад и практически весь остальной мир, включая новую генерацию коммунистов, уже воспринимает его по-безансоновски или близко. Они предрасположены к такому восприятию и чем дальше Ленин становится историей, тем «позволительнее» такое восприятие даже для не антикоммунистов.

Кстати, Ленин – это то, чего, как считал Чаадаев, не хватало истории России, чтобы обрести качества, необходимые, по его концепции, цивилизованному народу.

16 августа 79 г.

Вновь и вновь мысленно возвращаюсь к Безансону: как он разглядел нас! Сами себя мы такими увидеть не можем, а если кто и увидит, то – это не имеет никакого значения, как и доказал Безансон.

Гоголь о Пушкине... впервые довелось прочесть. Вообще, я только в зрелом возрасте начинаю постигать величие Гоголя.

Вчера по пути из поликлиники обнаружил приметы возвращения Брежнева из Крыма. Милиция через каждые 100 метров и проч. Ужасно стыдно на фоне всего прочего.

10 сентября 79 г.

Через час уезжаю на Ямайку. Познакомился со стенограммой Брежнев-Берлингуэр. Остались друг другом довольны. Не договорились лишь по Китаю...

То, что нужно было для Ямайки, консультанты сделали, конечно, не так. А мне, оказывается, поручили еще вести торгово-экономические переговоры с премьером Гренады Бишопом, где тоже весной была революция.

В субботу смотрел фильм по Г. Маркову «Отец и сын», про Сибирь 20-х годов. Кинематографически слабоват, но материал сильный. А мораль, которую может быть, и не имели в виду авторы, - без «1929 года» 1917-ый погиб бы, не миновать бы нам реставрации. Я возглавлял делегацию КПСС на Ямайку. На конференции правящей Народной национальной партии (между прочим, член Социнтерна) рассматривались актуальные вопросы внутренней и внешней политики. Присутствовали представители профсоюзов, социалистических и коммунистических партий многих стран.

14 октября 79 г.

Вот и месяц прошел. Съездил на другой конец мира. Попробую восстановить кое-какие детали поездки.

Вылетели из Москвы на Монреаль 10 сентября утром. До Монреаля 11 часов лету. Читал в «Иностранной литературе» какой-то финский роман, играли в шахматы, просматривал материалы для Ямайки.

Аэропорт – модерновая роскошь. Рассчитан на 50 млн. пассажиров в год, но используется на треть, убыток.

Посол Яковлев, встречавший нас, жаловался мне, что Москва, Демичев и проч. не хотят его возвращать, не простили ему статью в «Литературной газете». Томится, упрашивал посодействовать...

Конференция ННП должна была открыться 12-го утором, но началась только вечером. Многие делегаты, а всего их было более 2000, не смогли приехать, так как ураган вызвал наводнения, размыло дороги, а кроме того, самая активная часть - «руководящие кадры», в такой момент должна быть с народом.

Наше появление в спортпаласе...

Общая молитва. Проповедь пастора.

Въезд чуть ли прямо не на платформу на автомобиле Секу Туре (марксистский диктатор Гвинеи), который был как раз с официальным визитом. Его часовое обращение к съезду: демагогия, расизм наоборот. Ответная речь Мэнли. Первое впечатление от него (теперь вот его портрет стоит у меня за стеклом книжной полки) – незаурядная, масштабная личность, из тех, кто делают историю. К тому же, красавец, оратор, обаятельный...

Английская парламентская манера ведения дискуссии... Женщины, их 2/3 делегатов. Очень активны.

Танцы, всплески восторга, гимны и проч. Вместо обычных для нас аплодисментов в ходе съезда.

Через съезд видно, что происходит в стране. Очень напоминало, в моем представлении, конечно, как было у нас в первые годы после революции: высоколобая, интеллектуальная элита партии и государства (у нее в прошлом – британские, канадские, американские университеты, журналистика, адвокатура и т.п.). Люди подряд производят гораздо большее впечатление, чем наши европейские «еврокоммунисты» и по политическому кругозору, и по культуре мышления. По степени понимания своей исторической миссии далеко превосходят претенциозных европейцев. Это – с одной стороны. А с другой – полуграмотная масса, полная революционного энтузиазма, преданная идее «своего социализма», ненавидящая империализм...

Выборы генсека – Данкена (Дункана). Он негритянский еврей. Его восхождение на этот пост... Левые-правые в партии.

Мэнли, который возвышается над всеми, оставаясь естественным, спокойным, уверенным, элегантным... На делегатов (и особенно делегаток) он производит магнетическое впечатление. Но это не негритянский вождь, типа всяких там Секу Туре. Ближе он к типу Фиделя Кастро. А как оратор и по уму он превосходит Кастро. В нем что-то от большевистско-британского, если только можно представить себе такую смесь. Мать его англичанка, известная во всем мире скульптор. Отец – мулат, основатель ННП в 1938 году и сейчас один из «отцов нации».

Мэнли принял нашу делегацию вместе с послом. Проговорили два часа, несмотря на то, что в это время в 20 метрах от нас бушевал съезд, выбирая руководящие органы. Ни тени кокетства своей значительностью. Великолепный (в самом деле!) марксистский анализ мировой ситуации и глубоко реалистический подход к национальным проблемам. И тактичное, «с пониманием» и в подтексте обращение к нам за... даже не помощью – солидарностью.

Прошел месяц, а я до сих пор под обаянием этого человека. И не дай Бог ему судьбы Альенде!

С Альенде я ведь тоже был лично знаком... тот несравненно слабее во всех отношениях. Этот – политик, а тот – политикан, хотя в хорошем смысле слова: демагог-романтик в пользу социализма.

Речь Мэнли при закрытии съезда – это высший образец современного ораторского искусства на уровне мировых стандартов. Зал неистовствовал. Его «диалог» с трибуны с послом США (который в зале) – это нечто!

<u>21 октября 79 г.</u>

Недели пролетают... Еще о Ямайке.

Встреча в руководстве ННП: Бертран, Беверли, Мэнли... все из той же элиты.

Межпартийные связи: просят, чтоб мы им поставили магнитофоны, громкоговорители, печатные портативные машины и проч. пропагандистскую технику. 60 штук – по штуке на каждый район.(Мы, по приезде в Москву, сумели послать только 10...).

Вопрос о перце. Наши торговцы взяли да и отказались в этом году его покупать (хотя уже десятилетия это традиционный товар, за который мы платим валютой, ибо – стратегический). И сделали это как раз после визита Мэнли в Москву, после всяких объятий и красивых слов о солидарности. Мало того, купили его в соседней Мексике (как выяснилось в Москве), потому что мексиканцы взяли на 20 % дешевле. Вот тебе и весь интернационализм «большого брата». Имел разговор на басах с Минвнешторгом, обещали учесть на следующий год. Будет ли?

Прием во дворце. Мэнли. По случаю окончания конференции для иностранных гостей. Он подошел ко мне первому и мы продолжили разговор, начатый на официальной встрече с ним. Я аккуратно выражал ему свои восторги. Потом подошла Беверли (очень изящная мулатка, говорят, занимала какие-то места на конкурсе красоты. По своему уровню и манерам она даст вперед десяток очков любой парижской интеллигентке). Но еще более открытый и дружеский разговор был у нас с ней после митинга по случаю открытия кубинской школы в предместье Кингстона. Кстати, впечатляющее зрелище, при огромном стечении, как говорится, и в присутствии всей конференции, которую вывезли туда на автобусах.

Наши повседневные завтраки и обеды в гостинице, шведский стол и проч. Комната с кондиционером, где я жил, - вид на министерство иностранных дел, всегда пустовавший и на здания всяких банков и компаний, которые в пропагандистских диапозитивах на конференции демонстрировались в качестве символов империализма и неоколониализма (для наглядности массам). Так оно и есть.

Конференция кончилась 16-го сентября, а на следующий день вечером посол повез нас на машинах в Монтега Бэй, через всю страну с Юга на Север, в зону курортов. По дороге – тропическая, голоногая нищета. По началу мне казалось, что «курятники», сложенные из чего попало и попадавшиеся кучками на пути, это какие-то времянки (вроде наших огородных участков). Оказалось, что это и есть нормальное жилье местных деревенских жителей (впрочем, на окраинах Кингстона не лучше). Проехали корпуса канадско-ямайских компаний по добыче бокситов... Колоссальное красное озеро – отходы производства, которые губят все вокруг: лес, траву, живность, рыбу, отравляют почвенные воды,

атмосферу и т.д. Что делать с этим кроваво-коричневым мертвяще стоячим озером, никто не знает, а оно разрастается.

Утром, вновь под дождем, возвращались той же дорогой в Кингстон. Колониального типа (как из кино) именья с соответствующими домами на вершинах холмов. С колоннадами, портиками, башенками... Выгоны огорожены, как в Шотландии, низкими каменными стенками... Посредине каждого квадрата на 4-5 га одинокое огромное дерево, видно, вяз...

Главный вывод – со страной надо обращаться как с серьезным государством (в Москве вряд ли кто обратил на это внимание, кроме Пономарева, который «дружелюбно» назвал мои оценки восторженными, но политические выводы оставил без внимания. Да, и что он может!).

Буквально за несколько минут до выезда в аэропорт приехал Данкен. Сели в одну машину и за полчаса езды подружились. Очень мило было наблюдать его в аэропорту: масса людей с чемоданами и проч., скопление от того, что из-за ураганов нормальное движение было нарушено. Он в своих бархатных джинсах и рубашке, расстегнутой до пупа, с застенчивой еврейской улыбкой в обрамлении шкиперской бороды и негритянской курчавости, держался совсем не начальственно. Но к нему сразу же стали подходить люди: кто просто поздороваться, кто похлопывал по плечу, кто поговорить накоротке... Служащие аэропорта (хотя в отличие от нашей ситуации никто никого, конечно, не предупреждал о делегации из Советского Союза) сразу забегали вокруг нас. Держались по-товарищески, заодно демонстрируя уважение к своему партийному вожаку...

У трапа обнялись. Беседуя на прощанье, я под изумленными взглядами посольских сообщил Данкену, что везу с собой фотопортрет Мэнли и повешу его у себя дома. Сказал искренне и выполнил...

На этот раз, взлетев прямо над водой, мы во время, через 4 часа были уже над Нью-Йорком.

Очень мило нас встретили сотрудники нашей миссии в ООН. Отвезли в старинную гостиницу на Манхеттене. Приволокли с собой целый ящик всякой домашней еды, в том числе пирожки, испеченные женами. Всего этого нам хватило на все двое суток в Нью-Йорке... Благодаря этому, сэкономили деньги и я сумел даже купить себе кожаный пиджак за 100 долларов на «Яшкин-стрит». (Кстати, эпизод там: «Мама, они хочут джинсовый костюм!» Это – через улицу на одесском жаргоне. «Пусть идут сюда», - кричит в ответ крашенная мама. Весь этот район говорит на еврейско-русском наречии, а многие просто на хорошем московском языке: тут обзаводятся бизнесом, уехавшие из СССР евреи за последние 9-10 лет. К советским они относятся, как к хорошим клиентам, наши моряки, бывает, скупают у них за один заход весь наличный товар... Никакой ностальгии, но и

ненависти. Очень спокойны и даже дружелюбны с нами. А наши с ними – фамильярно и презрительно, свысока. Хотя советские в Нью-Йорке покупают главным образом у них, ибо на 30-50 % дешевле).

Весь следующий день – у коммунистов. Гэс Холл был в Москве, лечился. Правил там в это время Генри Уинстон, председатель КП, слепой негр, с которым у меня давние приятельские отношения: он два раза в году бывает в Москве.

Штаб-квартира КП США. Недавно купленный большой многоэтажный дом: там же типография, книжный магазин, залы для собраний и проч.

Политбюро собрали ради меня: «дискуссия». Весь состав редакционных работников (человек 100), актив нью-йоркской организации (человек 200-250). Таким образом, на протяжении всего дня (вечером еще ужин в ресторане) не закрывал рта. После Ямайки я чувствовал себя усталым, боялся, что не выдержу таких нагрузок. Однако, когда пришлось «держать фасон», откуда-то все бралось. Иногда я, подходя к трибуне или вставая с места, не знал даже, с чего начну, но вдруг приходили какие-то слова, аргументы... Встреча с активом прошла под сплошные аплодисменты – так реагировали на мои ответы и доводы, хотя по началу аудитория была настороженная. Ведь происходило все в дни, когда только что кончилась история с Власовой и бегством Годунова, а Козловы сбежали прямо таки накануне нашего прибытия в Нью-Йорк. Так вот разговор шел обо всем: от этих самых артистов Большого театра («почему эти убежали» и вообще «почему бегут из СССР») до ядерной энергии, а также о положении женщины в Советском Союзе, о Китае, о ОСВ-2 и проч. Обычно для затравки я говорил минут 20-30, потом вопросы-ответы. Но вопросы на западный манер, когда вопрошающий пространно излагает свою точку зрения и просит реагировать на все его соображения...

Уинстон, Хелен Уинтер, Джексон – все подряд из ПБ, заявляли, что мое появление – событие, потому что американские коммунисты впервые имели возможность запросто говорить и спорить, делиться всеми своими сомнениями и вопросами с живым советским коммунистом, «прямо из ЦК КПСС». Словом, все завершилось во всеобщих объятьях.

А на другой день Н.А. Митин (сотрудник ООН, секретарь парторганизации советской миссии) и его товарищи взялись нас знакомить с Нью-Йорком. Мощь и простота небоскребной Америки, особенно 107 этажный новый деловой центр на берегу Ист-Ривер.

Гарлем – прямо-таки Сталинград 1942 года. Вид в точности такой же. Не побывав сам, не поверишь. Здание ООН. Вид внутри, дух и порядок деятельности – сколько это стоит «мировому сообществу» и что дает!

Кстати, принимали меня как весьма важную персону и это, несмотря на то, что в это время в Нью-Йорке был Громыко (на Генеральной ассамблеи ООН) и что я был проездом и

никто не обязан был возиться со мной, тем более, что в Нью-Йорке никто из советской миссии не общается и не имеет права общаться с коммунистами, ради которых я туда и заехал. То ли просто хорошие люди, то ли я недооцениваю, как меня, мою должность воспринимают «со стороны». Итак, состоялось мое открытие Америки.

Вернулся в Москву и на следующий день уже встречал в Шереметьево Уоддиса и Эштона, официальную делегацию КП Англии. Переговоры у Б.Н.'а. Обида на него, высказанная потом мне: менторский тон, перебивает, не интересуется сутью дела, нет настоящей «дискуссии», потеря времени. И «большое спасибо» за многочисленные встречи с экспертами - с нашими референтами по всем вопросам: Юг Африки, Ближний Восток, Кампучия, Иран, Афганистан, Китай, Япония и проч. Долго я их в заключительной беседе убеждал, что все нормально. Обнимаясь в аэропорту, маленький Уоддис примирительно сказал, что «главное, чтоб мы боролись с общим врагом, а не друг с другом». Что и требовалось доказать! А обида-то была не столько за поведение Пономарева, а за то, как он выложил им восприятие нами антисоветских письмен во всякой коммунистической печати Англии. Я не стал оправдываться за Б.Н.'а, а наоборот, навалил еще кучу фактов, в том числе о деятельности их корреспондента в Москве Бушело, но сделал это в юмористическом стиле.

Потом надо было срочно готовить Б.Н.'у речь на идеологическом (всесоюзном) совещании. За неделю сделали. Сам он много вложил в текст... Выступление Б.Н.'а, говорят, произвело впечатление, особенно на фоне доклада Суслова. Этот доклад был посвящен итогам выполнения постановления ЦК по идеологии за полгода, написан в худших традициях нашей пропаганды.

В «Правде», естественно, из 20 страниц пономаревского текста дали лишь 9-10. Я очень тщательно переформулировал все места, за которые могли бы уцепиться наши друзья-коммунисты и буржуазная печать. И вот, как гром,... тассовский корреспондент выпустил (официально!) на за рубеж один абзац Б.Н.'ова выступления, который разоблачил всю тайну (там сказано: «В результате принципиальной и гибкой политики КПСС «еврокоммунистическое» руководство соответствующих партий стало менять свои позиции в позитивном направлении» и т.п.). Ужас! Скандал этот разразился 18-го, в четверг. В пятницу мы с Загладиным сочиняли приукрашенный текст той части речи Б.Н., где говорилось об МКД, чтоб предоставить его французам, итальянцам и испанцам как подлинный. А тассовскую корреспонденцию – как искаженный.

... Гремец уже заявил Червоненке в Париже протест, объяснений потребовали Рим и Мадрид. «Юманите» и «Унита» сделали первые выстрелы по нам. Завертелось. И это все накануне встречи Марше-Брежнев: для её подготовки Гремец и Фиттерман 9-10 октября

были в Москве и с «большим трудом» согласовали с Пономаревым и Загладиным проект совместной декларации для встречи в партийных верхах. И вот тебе – подарок.

Корреспондентом оказался некто Авелев, зам. главного редактора ТАСС по информации на заграницу. Либо полный политический кретин, либо провокатор, но в любом случае нарушивший все самые элементарные нормы дисциплины (ни с кем не согласовав подобное).

Впрочем, встречи Марше-Брежнев может и не будет. Из Берлина (ездил на 50-летие ГДР - инициативы по разоружению, впервые односторонние меры...) Л.И. вернулся в весьма плохом состоянии и с тех пор не при деле... Ни с Асадом, ни с кем ... не встречался. Да и в Берлине читал свои инициативы через строчку, слушавшие его на русском языке, наверно, ничего не поняли. Другое дело – в переводе.

28 октября 79 г.

Из казуса утечки абзаца из пономаревского выступления на идеологическом совещании вышла неожиданность. Вместо того, чтобы возмутиться французская компартия использовала эту историю как предлог для утверждения своего тезиса, что между КПСС и ФКП существуют разногласия и хорошо, что ни те, ни другие этого не скрывают. А итальянцы взяли этот случай в качестве доказательства силы еврокоммунизма: мол, Москва с ним вынуждена считаться, раз на таком форуме о нем говорит.

Б.Н. опять взялся за статью о «руке Москвы». Давай-таки ему статью на эту тему. В прошлый week-end сочинил что-то сам – о двух линиях революционного процесса в теории и политике, зачитывал нам с Козловым... Считает, что эта «мысль» сразу делает крупной постановку вопроса... Боже мой! И никак не могу понять: то ли старческая графомания, то ли он действительно верит, что его не забудут на другой день после окончания службы в ЦК и он останется в «памяти партии» как теоретик, то ли просто обычное тщеславие нормального чиновника.

Неожиданно для всего мира Би-Би-Си, французское и западногерманское телевидение пустили утку о полном выходе из строя Брежнева (после его берлинской поездки). Он встречал, провожал и «вел переговоры» с приехавшим в Москву южнойеменским лидером Абдель Исмаилом. Кто видел этот спектакль в натуре, весьма удручен. Прочие видели по телевидению и удручены не менее. Полная развалина... Зачем, зачем? Зачем его показывают...

А тут еще сразу заболели Косыгин, Суслов, Кириленко, Черненко...

20 ноября 79 г.

С 5 по 12 ноября был в Западной Германии.

В Берлине – с Аксеном в ЦК СЕПГ, с Хэбером в партгостинице. Рассуждения, как лучше взбаламутить Запад брежневскими инициативами, попытаться отсрочить решение НАТО о «довооружении» из-за наших СС-20.

Хэбер, зав. Отделом ЦК по западногерманским делам, – символ того, что идея единства остается что ни на есть жизненной и реальной для наших братских восточных немцев. Хэбер управляет не только Германской компартией Миса, но и всеми рычагами общенемецкого дела... Нам как-то это не приходит в голову. Он даже удивился, когда я его спросил, будут ли они протестовать против проведения съезда западногерманских социал-демократов в Западном Берлине.

Переехали в Западный Берлин на аэродром «Течель» в автобусе, перелетели оттуда во Франкфурт-на-Майне.

Выступал я раза по три в день. Даже обеды и проч. превращались в политические акты. Уставал нещадно, а в первый вечер во Франкфурте в школе рабочей молодежи мне чуть дурно не сделалось...

Я говорил обо всем, что приличествовало случаю, но главное – нельзя немцам позволить, чтоб с их земли вновь готовилась война против нас... Это – гибель всего и вся. Все, впрочем, согласны с этим, но никто не верит, что так может произойти. Не верит и руководство ГКП. Мис со своей фюрерской самонадеянностью излагал свою предвыборную платформу (которая прямо на руку Штраусу), а про натовский план говорил как о деле решенном. Моя «кислая» реакция (взамен ожидавшихся восторгов по поводу его «железной партийной логики») его насторожила и обеспокоила. Он был мрачен и потом – на торжественном митинге.

Страна прекрасна – гармоничное сочетание невероятной промышленной мощи с ухоженностью и красотой природы. Я впервые проехался по Рейнской долине (хотя в ФРГ пятый раз): от Дюссельдорфа, через Кельн, Бонн, Кобленц, к Гейновской «Лорелее», а потом в сторону виноградной дороги в Пфальц. Была золотая пышущая красками осень. А виноградников, оказывается, в одном Пфальце в пять раз больше, чем во всей Грузии.

Главное ощущение, которое гнетет до сих пор: отстали мы, невероятно отстали мы от капитализма. И уже ничто (в Америке хоть «негров линчуют») уже не оправдывает этого нашего отставания, и ни в чем нельзя увидеть наших экономических и социальных преимуществ. Ведь Германия тоже была стерта с лица земли. А у них зарплата 2500-3000 марок (это даже по курсу больше 1000 рублей), у них отпуск у рабочего – 6 недель, у них

«железные батальоны пролетариата» (любимое выражение Пономарева, цитата из Ленина) утром садятся в собственные машины, едут на работу, а вечером – домой: на каждых трех немцев – машина. У них дороги такие, что если чашку, наполненную до краев поставить на сиденье, то на скорости в 160 км. не прольется ни капли. У них нет разделения: центр-провинция, так же, как нет «проселков» и второстепенных дорог, нет и разницы между деревней и городом ни в смысле благосостояния, ни в смысле комфорта.

Безумно обидно и пока непонятно.

Вчера вот прочел выступление Брежнева на ПБ (перед предстоящим Пленумом ЦК о экономическом положении и планировании на 1980 год). Поразился откровенности. Но и встревожился еще больше: ситуация-то аховая. Он сам не стесняется употреблять такие выражения, как «чрезвычайное положение» (транспорт), «вызывает тревогу» (снабжение продовольствием). Да всё: энергетика, металл, строительство, машиностроение, мясо-молоко, фрукты-овощи и проч. Сколько, мол, говорили об эффективности и качестве, а перелома так и не добились. Одни и те же застарелые проблемы ставим, а они так и стоят. И т.д. В тексте речи уже для Пленума (которую я тоже сегодня прочел) – подано все это в ослабленном виде и на фоне опять же «успехов»... Но названы «поименно» виновники – министры... Да, что от того?!

2 декабря 79 г.

Прошел Пленум, сессия Верховного Совета. Брежнев говорил более или менее внятно. Но текст был значительно «сглажен». У Байбакова даже острее выглядело. В прениях не подхватили остроты и обеспокоенности, тревоги, которая, впрочем, была упрятана. Все было опубликовано, за исключением нескольких фраз, относящихся главным образом к бардаку на компенсационных стройках и к завалам импортных товаров (в том числе зерна) в портах. Судя по разговорам, не очень-то все это читают, никому уже не интересны эти всякие слова, за которыми ничего не следует. Впрочем, пропаганды опять вырулила на свой обычный тон: «к новым свершениям»... Опять все пойдет своим чередом.

Принят закон о народном контроле. Докладывать о нем на сессии выпустили Тихонова, о котором весь Запад пишет уже как о премьере взамен Косыгина (болен и не появляется). Нудно больше часа он повествовал... Прочитать до конца его доклад, как и сам закон (на двух полосах «Правды») невозможно даже для таких читателей, как я. А уж, чтоб этот закон дал что-нибудь в смысле наведения порядка – очень сомнительно.

Арбатов, который около 3-х месяцев в Серебряном бору бился, чтоб что-нибудь сдвинуть с места (в бригаде по подготовке речи Брежнева), на следующий день после Пленума положен с инфарктом... Символично!

Видел Бианку (жена итальянского коммуниста, с которыми вместе работали в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма»). Она здесь с выставкой станков для производства пластмассовых изделий в новом павильоне на Красной Пресне. Она меня потащила знакомить с фирмачами и коммунистами (которые в штате выставочных итальянских бригад). Взяли они меня в оборот: - по поводу того, как их в Шереметьево на таможне раздевали до гола и даже в задний проход совали пальцы. Шумели о попрошайничестве наших рабочих, которых им присылают для выгрузки и монтажа. Шага не ступят, чтоб не потребовать десятки, двадцатки, четвертной и... поллитры. Иначе сидят курят или болтаются по павильону и управы на них никакой. Накинулись на меня со всей итальянской экспрессией, особенно коммунисты (фирмачи пытались сдерживаться): это называется социализм! Это - советский рабочий класс! Это – страна Ленина! И у вас не первый раз, мы в двенадцатый раз участвуем здесь на разных мероприятиях такого рода и всегда одно и то же. Приходят с бригадиром, у которого грудь в орденах за трудовую доблесть, а ведут себя здесь как последние люмпены, как нищие, ничего и никого не стесняясь. Им наплевать, что о них, и всех советских рабочих мы можем рассказать у себя в Италии. Позор!

Я отшучивался, отбивался как мог, всерьез посоветовал им написать в партком, в данном случае, «Шарикоподшипника». Ужас – особенно «в пандан» с Пленумом и сессией Верховного Совета.

Заказ «Le Monde» – дать ей статью о Сталине в связи со 100-летием. Б.Н. захотел сам ее сделать. Однако, Суслов «не посоветовал». И Пономарев приказал подписать статью академику Минцу. Тот, понятно, согласился. Но в последний момент Б.Н. чуть было не вписал туда «вдобавок», а) что в СССР никого Сталин не интересует; б) что культ и все, связанное с ним, продолжалось совсем недолго, около 10 лет; в) что до и после царствовала законность и коллективное руководство. И еще что-то в этом роде.

Я написал издевательский комментарий к этим «вкладам», поправил, как я считаю и отдал Б.Н.'у через Балмашнова. Тот поворчал, но согласился.

Продолжаем сражаться с НАТО'вцами против предстоящего еще через 10 дней решения об установке «Першингов-2» и круизов. Хотя всем ясно, что дело тут проиграно. Громыко в Бонне, в телеинтервью заявил, что «В этом случае основа для переговоров будет разрушена». Однако придется-таки переговоры вести, продолжая «гнать» дальше.

7 декабря 79 г.

В понедельник лететь в Венгрию на конференцию двадцати девяти компартий Европы по проблемам социал-демократии. Готовился через пень-колоду, хотя тема эта сейчас очень острая из-за американских ракет и предстоящей сессии НАТО. В среде социал-демократов большой переполох. И мы помогли его создать... Но еще одного, решающего шага, чтоб вызвать «там» полный столбняк, не сделали: со всех концов посыпались намеки, просьбы, вопросы и предложения, чтобы СССР, раз уж он хочет переговоров до решения НАТО, заморозил на время переговоров производство и развертывание СС-20.

Наш Отдел осторожно бомбардировал сначала Пономарева, потом других в ПБ, чтобы сделать и этот шаг. В конце концов осмелели и написали записку с текстом возможного заявления ТАСС на этот счет. Александров и Блатов долго ее мурыжили и редактировали. Но идею поддержали. Отредактированный текст вернули к нам, чтоб мы официально внесли в ЦК. Б.Н. позвонил Суслову, но тот сказал, что без Громыко нельзя. А Громыко в Берлине на совещании министров иностранных дел Варшавского договора. По гауляйтерски учит там Хоннекера не поддаваться на заигрывания Шмидта.

А до сессии НАТО остается три дня. Да, и не хотят Громыко, а может быть Устинов...

Позавчера два с половиной часа разговаривал с Джаганом, генсеком КП Гайяны. Отговаривал поднимать восстание против Бэрнхэма, которого мы считаем (официально) прогрессивным, антиимпериалистическим режимом, а Джагана – фашистом.

Сегодня был в Барвихе у Гэс Холла. Между прочим, в личном общении он ни разу не производил на меня впечатления крупной фигуры. А вот, когда читаешь его речи, прорезывается масштабность... Кто ему пишет?

«Социалистический проект» ФСП – к съезду в 1980 году. Там, между прочим, СССР – никакой не социализм, а полицейское государство.

<u>21 декабря 79 г.</u>

С 10 по 15 декабря был в Венгрии. В Тихани.

Выступал я там с речью, участвовал в дискуссии. Дискуссия действительно была, в отличие от многих других конференций. И опять чувствовал себя политиком, представителем своей партии, престиж которой я оберегал умением вести себя и представлять «ее» мнение как творческое, свободное и реалистичное. Великолепны были венгры – и как организаторы, и в интеллектуальном отношении, с точки зрения политического такта. Янош Берец и его команда.

Эпизод с испанцем, который привез протест от Исполкома своей КП: мол, такие конференции не нужны, так как они создают впечатление, будто компартии не свою политику ведут, а по директивам... (Ему врезали еврокоммунисты, прежде всего швед и француз). И все увидели надуманность всего этого еврокоммунистического построения в том, что никаких коллективных форм, даже обмена мнениями, не нужно – страхи перед « центром», перед диктатом Москвы, боязнь за свою самостоятельность и что мы (КПСС) опять что-то можем навязать, исчезают.

В самолете из Будапешта летел с делегацией наших сельхозников, которые ездили в Венгрию «делиться опытом». Все с Украины (зав. отделами, секретари обкомов) во главе с зав. сектором и сельскохозяйственного Отдела ЦК, неким незнакомым мне Коваленко. Сами меня затащили на разговор и разоткровенничались. Сначала, правда, оглядывались на «голову», жались, а потом разошлись, благо, что под шум двигателя Коваленко не все мог расслышать. Главная тема: об инициативе мы только болтаем, а какая может быть инициатива, если я целиком завишу от одного человека – первого секретаря. Допустим, я иду на риск, на эксперимент, допустим, у меня что-то не сразу получается. А первому всегда дай все сразу. Или просто по ходу, может не понравится. И я горю. И нет никакого механизма, который мог бы оценить мою инициативу объективно: ни пленум райкома, ни пленум обкома, ни другие наши коллективные органы не пикнут, если первый скажет, что это плохо.

Вот и процветают подхалимы и дурачье. А дело страдает. Чуть что тебе еще и идеологию пришлепают: мол, кулацкие, собственнические тенденции поощряешь. А в результате страна без мяса.

Вот посмотрели мы Венгрию: ни в чем они не отступили от принципов, от Ленина, а сумели соединить личный интерес с общественным, с государственным. Там судят о человеке по делам без дураков и трепа – по результатам. И Венгрия с мясом. А что ж мы? Что мы такие уж глупые, или необразованные, чтобы делать еще лучше? Что мы – не преданные? Или нам не стыдно, когда приезжают работать за колхозников студенты, учителя, рабочие, солдаты!

Нет! Анатолий Сергеевич, страна давно бы была с мясом и со всем прочим, если бы нам действительно дали возможность проявлять ту самую инициативу, о которой шумят во всех газетах и по телевидению.

Потряс меня этот народ. Впрочем, я уже и на Пленумах ЦК слышал таких же, только они выражались, естественно, осторожнее.

Посмотрим, как пройдет задуманная Марше конференция европейских компартий по разрядке и разоружению, намеченная на февраль. Но наша Тихань (хоть пошел на нее Б.Н. и ЦК, потому что я в записке назвал ее теоретической (семинаром) стала de facto шагом

на новой почве современного интернационализма. Рахманин мне передал, что Русаков ругался, прочитав в «Правде» сообщение, из которого следовало, что это отнюдь не семинар, а политическая встреча.

Хавинсон наседает на меня, чтоб я дал ему в ленинский номер статью о Ленине (в журнал «Мировая экономика и политика»). Я волынил, хотя напрасно: нет во мне сил и энергии, чтоб написать статью, адекватную моей осведомленности, моим убеждениям и моей уверенности в актуальности Ленина. Нет ни стимула, ни способности. Устал я делать что-нибудь действительно серьезное. Может и в самом деле – осталось только делать статьи для Пономарева, да и то по подстрочнику, подготовленному консультантами.

Сегодня в «Правде» статья о 100-летии Сталина. Сбалансированная. В этой связи был разговор с Пономаревым, он «поделился», как она проходила «по верху».

23 декабря 79 г.

Я спросил Б.Н.'а читал ли он статью о Сталине, подготовленную для «Коммуниста». – Нет. Приглушая голос и отходя из-за стола подальше от телефонов (это меня всегда умиляет: по сталинской инерции он инстинктивно боится прослушивания), говорит: ведь как ломали эту статью, все говорят о балансе положительного и отрицательного в Сталине, а фактически тянут целиком на положительное. Даже этот Долгих... сам ведь мне рассказывал, как под Москвой в 1941 году солдаты без винтовок на фронт приходили. И он же выступил против фразы об ошибке Сталина в определении сроков войны, «безобидной ведь фразы-то по сравнению со всем другим, что Сталин наделал». Да и другие подстать Долгих. Там на самом верху, конечно, не перешибешь. А здесь-то ведь можно было сказать... Не понимаю, чего хотят: столько преступлений совершил, столько людей загубил, столько испохабил... (ругается матом, что бывает редко), и вот, пожалуйста, - много, мол, черной краски в статье! Это Капитонов все там воняет... мелкий такой интриган. Крутит. Еще при Катушеве пытался группировочку в Секретариате создавать... Ах, нехорошо! И т.п.

Мне и слова не удалось вставить в эту путанную, со многими междометиями и намеками речь. Не все буквально было понятно. Но общий смысл, видимо, состоял в том, что мало того, что царит некомпетентность и старческая импотенция, а еще и ностальгия по сталинским временам... И горечь, что самому не дают развернуться.

Кстати, он-то, занимаясь историей партии, знает очень много про Сталина – такое, чем те другие и не подумали поинтересоваться. Но в нем все время явно чувствуется и личная ненависть к Сталину. Это не очень понятно... Он же ведь не из «интеллихентиков»... И никто из его близких не сидел и не расстрелян.

Взял опять (в честь 100-летия) томик Исаака Дейчера «Сталин» (он у меня по французски). Итоговая глава: «Диалектика победы», много там всяких мыслей – и о «революции в одной зоне мира» (параллели с Наполеоном – в Рейнской области, Италии, Бельгии, Польше и т.д.), и о смысле железного занавеса, вновь опущенного после войны, и о том, что, назвав 30-ые годы социализмом, Сталин легализовал ложь как официальную идеологию, и о боязни «декабристов» – офицерского корпуса, который был единственной морально компактной силой, способной в потенции противостоять сталинскому порядку, и о том, что имя Жукова исчезло из пропаганды уже в 1946 году, а в статье «Правды» к трехлетию взятия Берлина в ряду сталинских генералов, участвовавших в этой операции, Жуков даже не упомянут...

В «Новом мире» роман «Предел возможного» Иосифа Герасимова, еще одного талантливого еврея, который сумел показать нашу военную (тыловую) и послевоенную героическую историю, не кланяясь никаким мифам и догмам, и в духе незамутненного демагогией патриотизма.

30 декабря 79 г.

Наши войска вошли в Афганистан. Привезли с собой Кармаля Бабрака, скинули Амина («кровавую собаку»). Бабрак занял все надлежащие посты, произнес все необходимые речи, в том числе о том, что он пригласил Советскую Армию, выпустил политических заключенных и обещал всем всё. Словом, как полагается.

От Картера до Хомейни и «Униты» все гневно осуждают оккупацию, интервенцию, вмешательство во внутренние дела слабой и малой страны, «русский империализм» и проч. Весь зарубежный мир волею могучих mass media обращен против нас. Накопленный нами капитал по разрядке после берлинской речи Брежнева и в связи с декабрьской сессией НАТО полетел к еб...м... У всех тех «демократических» и «миролюбивых» сил, которые выстроились было, чтобы поддержать нашу миролюбивую политику, опустились руки. Коммунистам и вообще нашим непоколебимым друзьям сейчас только отбрёхиваться по поводу «советской агрессии», а не агитировать против американских ракет – слушать никто не станет. Все те в «третьем мире», которые собирались или уже сориентировались на социализм, думают только о том, чтобы не связывать себя с нами a la Афганистан, ибо ясно продемонстрировано, чем это может кончиться. А всех империалистов и натовцев мы спровоцировали на еще большее ужесточение, подтвердив «правоту» ястребов, которые всегда утверждали, что с нами можно разговаривать только языком силы, с позиции силы... И т.д.

Спрашивается – кому это было нужно? Афганскому народу? – Возможно. Амин, пожалуй, довел бы страну до второй Кампучии. Но неужели мы только ради революционной филантропии и человеколюбия, учинили акцию, которая встанет в ряд с Финляндией 1939 года, с Чехословакией 1968 года в мировом общественном сознании. Аргумент (который был и в письме ЦК к партии) – мол, нам надо было обезопасить границу, просто смешон. Десятилетиями в Афганистане был реакционнейший режим, англичане там хозяевами были, как у себя дома. До середины 30-х годов – при практически открытой границе – оттуда инспирировалось басмачество, контрабанда и проч. Теперь же, при нашей-то силе, какую могли там представлять опасность даже американцы, если бы они и охамутали Амина!

Советскому народу это ни с какой стороны не нужно. Ему бы мяса, да других товаров, да порядка побольше!

Кто же это сделал?

Александров еще на другой день после убийства Тараки сказал Брутенцу, что надо вводить войска. (Помните: в 1968 году он мне в Завидово первый об этом сказал). И, конечно, он был одним из закоперщиков. А при нынешнем ментально-физическом состоянии Леонида Ильича влияние этого помощника могло оказаться решающим. Тем более, что Л.И. не мог, конечно, простить Амину, что тот прикончил Тараки на другой день после опубликования большого братского коммюнике и встречи Брежнев-Тараки в Москве.

Конечно, «соседи» (т.е. КГБ)... Но вопрос – по собственной ли инициативе, или кэгэбэшники были лишь организаторами соответствующей информации.

Не уверен, что Громыко был активным сторонником... или Суслов. Остальные, включая и нашего (который явно был обескуражен) – не в счет. Значит, каша эта варилась где-то «втихоря»...

Решение о войсках было принято три недели назад. Десанты начали переправляться под Кабул еще за неделю до переворота по просьбе самого Амина (!), который, видимо, решил, что иначе (!) ему не удержаться. Однако, он не учел, что войска направляются для прямо противоположной цели. А теперь через границу двинулась полная дивизия, которая до Кабула (по горам) будет идти целую неделю (это к вопросу о «безопасности границы»!)

Вот так делается политика от имени партии и народа. И никто ведь не возразил - ни члены Политбюро, ни секретари ЦК, ни, конечно, республики, ни даже аппарат. Думаю, что в истории России, даже при Сталине, не было еще такого периода, когда столь важные акции предпринимались без намека на малейшее согласование с кем-нибудь, совета, обсуждения, взвешивания - пусть в очень узком кругу. Все - пешки, бессловесно и безропотно наперед готовые признать «правоту и необходимость» любого решения, исходящего от одного лица - до чего, может быть, это лицо и не само додумалось (в данном случае - наверняка так!).

Нет, товарищи, мы вступили уже в очень опасную для страны полосу маразма правящего верха, который не в состоянии даже оценить, что творит и зачем. Это даже не отчаянные броски вслепую от сознания безнадежности положения общества, а просто бессмысленные инерционные импульсы одряхлевшего и потерявшего ориентировку организма, импульсы, рождаемые в темных углах политического бескультурья, в обстановке полной атрофии ответственности, уже ставшей органической болезнью.

А мы грешные? Вчера уже писали с Брутенцом подстрочники для Бабрака: заявление против империалистической кампании клеветы в связи с вводом советских войск в Афганистан и письмо коммунистическим партиям с призывом к солидарности (т.е. – чтоб не протестовали, как это уже сделали итальянцы). Это – опять инициатива Пономарева. Он быстро перестроился, суетится как всегда больше всех. И здесь хочет заработать очки: может быть, еще фортуна улыбнется, и отблагодарят его членством в Политбюро!

1979 год. Послесловие.

Год по содержанию – продолжение предыдущего. Та же комедия с удержанием маразмирующего Брежнева на плаву в роли верховного руководителя. То же переживание позора за экономику и жизненный уровень (особенно, в сравнении с Западом, где в том году пришлось часто бывать). То же ощущение безнадежности что–либо поправить в условиях закостеневшей системы и ничтожества высшей власти. То же бессмысленное препирательство с еврокоммунистами, когда самим неизвестно, чего мы от них хотим, какова наша политическая цель: вернуть ли комдвижение к прежним порядкам, добиться ли, чтоб нас не срамили и не ругали, отстоять ли свою теоретическую (и идеологическую) правоту… Ни то, ни другое, ни что–либо еще было уже недостижимо. Обманывали себя и пытались обманывать других. Скорее всего, активничали, потому что нельзя же было просто так сидеть и делать вид, что ничего вокруг не происходит. Этого не позволило бы нам, международникам, ни наше начальство, ни «ортодоксальные» братские партии.

Суетились в службе еще и потому, что раз есть идеология, есть ее объекты, в том числе МКД и внешнеполитическая пропаганда, все они должны быть «охвачены» – на то и существуют (и оплачиваются) соответствующие органы и институты.

В «томе» опять много впечатлений от зарубежных поездок (Англия, Ирландия, Бельгия, ГДР, Западный Берлин, ФРГ, Ямайка, Нью–Йорк, Будапешт), описания и суждения о разных встречах с разными людьми. Все это – рутинно, тоскливо и бесперспективно, хотя и интересно как «хроника времен»… думаю, не только для меня.

Однако обыденность служебного (и общественного) существования поблизости от власти, волочившей за собой великую страну непонятно куда, вдруг прорвалось в конце года нападением на Афганистан. Но об этом больше – в очередном и последующих «томах».